

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

*Древности Верхней Оки и Среднего Дона в конце I – начале II тысячелетия н.э.
(к истории вятичей)*

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки: *030600 история*
образовательная программа бакалавриата: *история*
профиль: *археология*

Выполнил:
студент IV курса
очного отделения
Морозов Алексей Андреевич

Научный руководитель
Член кор. РАН, д.и.н., проф.
Носов Евгений Николаевич

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Введение.....	2
ГЛАВА 1. Историография и источники.....	7
1.1. Историография.....	7
1.2. Источники.....	14
ГЛАВА 3. Погребальный обряд населения Лесостепного Дона и Верхней Оки	21
ГЛАВА 4. Керамический материал из могильников.....	37
ГЛАВА 5. Поселения донских славян.....	44
ГЛАВА 5. Донские славяне и население салтово-маяцкой культуры.....	52
Заключение.....	61
Список литературы.....	64
Список иллюстраций.....	69
Список сокращений.....	71
Приложение.....	72

Введение

Славянское население Подонья составляло сравнительно небольшую и несколько территориально изолированную группу восточных славян. Такая изолированность от остального славянского мира, их положение на краю восточнославянской ойкумены, соседство с иноязычными народами (финно-уграми, хазарами, кочевниками) придают определенное своеобразие донской группе славян (*Рис.1*). Однако, необходимо также отметить, что несмотря на это, донские славяне всей своей историей были связаны с основной славянской территорией. Уровень их общественных отношений, идеологии, экономического и материального развития во многом определялся уровнем развития всех славянских племен. К настоящему времени выявлены определяющие особенности их культуры, изучен характер домостроительства, обряд захоронения, получен разнообразный материал по хозяйственной деятельности.

Древности донских славян известны науке, как памятники «боршевской», или, как чаще называют «роменско-боршевской» культуры, а поэтому территория моего исследования очерчена Верхним и Средним Доном, так как именно здесь расположены эталонные памятники донских славян (*Рис.2*). Это ряд памятников ныне занимающих берега современного Воронежского водохранилища и знаменитое городище Титчиха. Именно в данном районе наблюдается наибольшая концентрация и погребальных памятников с деревянными конструкциями, также на этих памятниках удастся проследить включения салтово-маяцких элементов материальной культуры. В связи с проблемой исхода донских славян с рассматриваемой территории в район Верхней Оки, я частично коснусь изучения погребальных памятников, характеризующихся наличием упомянутых специфических черт на территории бассейна Верхней Оки (современные Тульская и Орловская область).

По-прежнему нерешенными остаются вопросы генезиса как отдельных племен, так и в целом их всей восточнославянской группировки, пути и время

заселения ряда районов Восточной Европы, характер контактов с соседними народами, некоторые особенности материальной и духовной культуры. Хотя исследования на эту тему конечно проводились, но, по моему мнению, они требуют немалых доработок. Данная работа посвящена общему обзору истории донских славян, их появлению и функционированию в Лесостепном Подонье.

Основное внимание в работе уделено особенностям погребальных комплексов, которые характеризуются наличием деревянных сооружений внутри погребальной насыпи в виде погребальной камеры, оградок и столбов в центре насыпи. В комплексах эти специфические черты распространены неравномерно – в одних курганах присутствуют все три элемента деревянных сооружений, а в других – может быть какой-то элемент отсутствовать, при этом все это может быть в пределах одного могильника. Это вызывает неподдельный интерес к проблеме. Также немалую роль в истории донских славян играл Восточный торговый путь, пролегающий через Лесостепное Подонье и связывавший регионы Балтики с восточным миром. Территория Верхнего и Среднего Дона была заселена одной из восточнославянских группировок в конце VIII в н.э. Занимая юго-восточные и восточные окраины славянского мира, донские славяне находились в непосредственном контакте с алано-болгарским миром – северо-западной периферией Хазарского каганата. Именно они первыми встречали набеги племен кочевников, вторгавшихся с востока на территорию Восточной Европы. Проблемным вопросом является обусловленность этих контактов – на каком уровне они находились, характеризовались полностью данническими отношениями или же были построены на паритетных связях. На мой взгляд к этой проблеме нужно отнестись наиболее внимательно, тем более что в литературе определенного единства по этому вопросу не наблюдается.

Задача моей работы – собрать воедино и проанализировать историю изучения данной темы, рассмотреть научные труды специалистов,

касающиеся погребальной традиции донских славян, структуры поселенческих памятников и их особенности. Важно выяснить как изучение общих черт погребальной традиции отразилось в отечественной историографии и как создавалась научная выработка всех доступных погребений с погребальными камерами на Дону. Такая работа обладает актуальностью в связи с тем, что в отечественной историографии не сложилось единого мнения по этим вопросам. Необходимо проанализировать и синтезировать литературу по этой проблеме, выявить общие закономерности исследования материальной культуры славянской группировки на Дону. Необходимо тщательно изучить вопрос о роли славян на Волжском торговом пути их взаимосвязи с кочевническим миром и как это отразилось в историографии. Конечно возникает необходимость рассмотреть проблемы хронологии памятников как на Дону, так и на Верхней Оке, какие изменения она претерпевала в отечественной науке и как авторы соотносили хронологические данные с письменными источниками, потому что это неразрывно связано с проблемой исхода Донских славян с территории Подонья с последующим включением в состав Древнерусского государства. Структура моей работы построена по классическому принципу – рассмотрена историография и источники по данной теме, в том числе и современные научные взгляды. В первой главе рассмотрена история изучения эталонных погребальных памятников донских славян на Среднем Дону (Боршевский могильник) и на р. Воронеж (Лысогорский, Белогорский I – II могильники). Выделены общие черты погребального обряда, их взаимосвязь и научные взгляды на проблему формирования этих памятников. Так же были рассмотрена историография по могильникам Верхней Оки (Воронецкий, Добринский, Западненский, Воротынцевский и Лебедкинский могильники), так как некоторые курганы имеют общие черты погребальной традиции с донскими могильниками. Так как керамика с могильников является массовым и практически единственным погребальным инвентарем, то и ей отведена отдельная глава, в которой рассмотрена проблема этнической характеристики

населения, которое оставило эти погребальные памятники, так как в этом случае керамика является главным определяющим фактором по этому вопросу. В этой связи я уделил внимание и вопросу формирования научной базы по поселениям донских славян, так как некоторые традиции строительства и устройства жилищ также проливают свет на вопросы генезиса. Заключительная глава посвящена связям донских славян с кочевниками салтово-маяцкой культуры, проанализирована история накопления материала по данной проблеме, как этот материал корректировал хронологический аспект существования здесь славянского населения. Подробно исследовано формирование научных взглядов на взаимоотношение донских славян с Хазарским каганатом, тем более что на сегодняшний день эта проблема является наименее изученной и требует существенных доработок.

Хронология исследуемых памятников очерчена границами конца IX – X вв., поскольку именно в это время наблюдается рассвет культуры донских славян, происходят основные исторические события в этом регионе – играет огромную роль Восточный торговый путь, Хазарский каганат простирает свои владения вверх по Дону, а на Руси возникает Древнерусское государство во главе с киевскими князьями. Донские славяне вынуждены были подчиниться во второй половине X в. и войти с последующей интеграцией в древнерусское единство. В конце X в. происходит изменение исторической ситуации на Нижнем Дону – Хазарский каганат теряет былую мощь и под напором кочевнических орд печенегов, хазары вынуждены продвигаться в глубь славянской ойкумены – в Лесостепное Подонье, а донские славяне в свою очередь уходят на север – в Поочье.

Все эти важные исторические процессы отразились на культуре донских славян и их необходимо изучать с особенным интересом, тем более что письменные источники достаточной скудно отразили информацию о славянском племени на Дону этого времени. В литературе достаточно прочно

укоренилось мнение что славяне на Дону были представлены вятичами, однако по мере развития археологической и исторической науки, стало очевидно что нельзя об этом судить однозначно, что население здесь было представлено скорее конгломератом славянских племен с влиянием алано-болгарских традиций.

Методика изучения материала на комплексном историографическом анализе. Историческим реконструкциям соответствует всестороннее рассмотрение с целью установления облика первоначального погребального памятника. Главное внимание уделено поиску общих закономерностей в сохранившихся материальных остатках донских славян и как эти закономерности трактуются в отечественной историографии. В своей работе я попытался собрать научную базу о погребальном ритуале донских славян, проанализировав ее, в соответствии с современными представлениями о культуре славян на Дону.

Новизна работы обусловлена тем, что в ней собрана воедино научная база материальной культуры славян на Дону и ряда памятников Верхней Оки. На основе анализа погребального обряда, традиций домостроительства и фортификационных сооружений, степени взаимодействия славян с другими культурами и их роль в Волжском торговом пути, удалось рассмотреть происхождение славянской группировки в этом регионе, их социальную структуру и хронологию. Результаты работы могут быть использованы при изучении истории как данного региона, так и раннеславянского периода в целом. В итоге работа получилось историко-археологического плана с широким использованием историографического материала. Конечно отдельные вопросы, такие как, например, происхождение погребальной традиции, остались вне поле зрения моего изучения, однако удалось реконструировать этно-социальную ситуацию и политические аспекты X в. на этой территории. Большой упор был сделан на изучение проблемы появления славян на Дону и их ухода с этой территории в конце X в.

ГЛАВА 1. Историография и источники

1.1. Историография

Первые работы в которых затрагивалась проблема племенной принадлежности донских славян начали появляться в конце XIX века. В это время хотя и не было широких исторических обобщений, но вопрос об этнической и племенной принадлежности на Дону поднимался регулярно. Одна из первых работ по этому вопросу принадлежит профессору Варшавского университета Н.П. Барсову, который предполагал, что Дон был заселен северянами и вятичами, проникшими сюда по р. Сосне (*Барсов, 1885, 149, 157*). С развитием археологической науки, стало возможным расширение круга источников по спорным вопросам истории Древней Руси. Благодаря этому А.И. Мартинович, исследовавший Лысогорский могильник в начале XX в., пришел к выводу, что курганы на Лысой горе под Воронежем принадлежат исключительно славянам. Фактически он поставил вопрос о том, что все могильники на р. Воронеж принадлежат славянской группировке (*Мартинович, 1908, 66*). Так же в начале XX века А.А. Спицын проводил раскопки на Боршевском могильнике и городище. На основании археологического материала, ученый отметил сходство поселения и курганов у с. Борщево с верхнеокскими археологическими памятниками. Значительно позже он пришел к выводу, что славяне, двигаясь с запада, дошли до Оки и Дона. Наравне с остальными учеными, А.А. Спицын отмечал, что Боршевские курганы принадлежат вятичам (*Спицын, 1922, 8*). В то же время академик А.А. Шахматов, проанализировав летописное сообщение о походе Святослава на вятичей, пришел к заключению, что Дон в X веке заселяли исключительно вятичи (*Шахматов, 1899, 334*). Вскоре был вынужден отказаться от своего мнения. На этот раз, ссылаясь на "Повесть временных лет", А.А. Шахматов делает вывод, что Подонье заселяли какие-то восточнославянские племена, которых мы не знаем, так как Нестор не дал их точные названия (*Шахматов, 1919, 34*). В литературе в то время было и иное мнение, высказанное

востоковедом Ф.Ф. Вестбергом, полагавшим что, Подонье было заселено не северянами, не вятичами, а аланами (*Вестберг, 1908, 278*). Однако существовала и совсем отличительная точка зрения, отвергающая вообще наличие всякого населения на Дону, а первыми поселенцами здесь были названы хазары, пришедшие сюда не ранее XII века (*Середонин, 1916, 119*), однако такое мнение не получило дальнейшего подтверждения.

Исследование археологических памятников бассейна Верхней Оки было начато еще в дореволюционное время, но специально этим никто не занимался. Однако отдельные частные вопросы, связанные с племенными границами вятичей и их происхождением, попутно решались в трудах многих историков и археологов. Племенные границы вятичей впервые были описаны Н.П. Барсовым на основании данных летописи о борьбе Изяслава Мстиславича с Ольговичами. Согласно Н.П. Барсову, западной границей расселения вятичей следует считать водораздел между притоками Десны – Неруссой, Навлей, Ревной и Болвой и притоком Оки – Жиздрой. С юга расселения вятичей ограничивалось р. Зушей; на востоке граница простиралась от р. Зуши вниз по Оке до Днестра; юго-восточная граница, по мнению Н.П. Барсова, могла простираться по Сосне до Верхнего Дона и Воронежа; что касается северной границы, то Н.П. Барсов не определял ее пределы, но отмечал, что на севере она соприкасалась с племенами мери, мордвы и мещеры (*Барсов, 2012, 156-157*).

С мнением Н.П. Барсова соглашались в основном А.А. Шахматов и М.К. Любавский. Однако А.А. Шахматов пошел дальше Н.П. Барсова и дополнил его концепцию новыми сведениями. Так, например, А.А. Шахматов, на основании поздних летописных списков (Тверского, Еромолинского, Львовского XV – XVI вв), признавал, что поселения вятичей охватывали и среднее течение Оки, а южную границу отодвигал до бассейна Среднего и Нижнего течения Дона. По его мнению, возникшему на основании анализа

записей о походе Святослава на хазар, вятичи раньше поселились на Дону, чем на Оке (*Никольская, 1981, 7*).

Таким образом, большинство исследователей полагали что в конце I тыс. н.э. на Дону существовали славянские поселения, обитатели которых были выходцами из других близлежащих славянских территорий. Что касается последующей судьбы этого населения, то однозначного ответа ни у кого не было, но все сходили к тому, что это население было вынуждено мигрировать под натиском кочевников. Так, А.А. Шахматов полагал что славяне ушли отсюда в район Средней Оки (*Шахматов, 1899, 339*).

Если дореволюционные историки занимались вопросами, связанными преимущественно с племенной принадлежностью донских славян, то с конца 1920-х г. появляются работы, ориентированные на социально-экономические аспекты славянского населения на Дону. Регулярно проводятся полевые исследования, которые дают качественно новую информацию об этом регионе, однако не всегда достоверную. Так в 1928 – 1929 гг. на Верхнем и Среднем Дону раскопки памятников проводились экспедицией ГАИМК под руководством П.П. Ефименко. По результатам полевых работ, П.П. Ефименко пришел к заключению, что открытые им жилища на Большом Боршевском городище имели вид целого улья помещений, которые давали приют не одной сотни человек. Это наблюдение позволило сделать вывод об общинно-родовых отношениях на данном городище. Так же П.П. Ефименко отмечает, что население главным образом занималось охотой и рыбной ловлей, но наравне с этим было знакомо со скотоводством и земледелием (*Ефименко, 1931, 7*). С этим согласно и В.И. Громова, которая, на основании остеологического материала с Боршевских и Кузнецовского городищ, установила что костей диких животных было встречено значительно больше чем домашних, что свидетельствует о том что, жители воронежских городищ были прежде всего охотниками. Металлических изделий было встречено очень мало, что позволяет думать о примитивности бытового уклада жителей.

(Громова, 1948, 113 - 114). Несколько иная точка зрения принадлежит В.И. Равдоникасу. Он отмечает, что в каждом жилище имелся свой очаг, что свидетельствует о распаде древнего коллективного потребления, но в то же время отдельные семьи еще не обособились друг от друга, поскольку боршевские жилища были связаны между собой внутренними ходами. Главными занятиями у донских славян, по мнению профессора, были не охота, а земледелие и скотоводство, а особенно рыбная ловля (Равдоникас, 1934, 15). Такой же оценки придерживается и Н.В. Валукинский. На основании вещественных материалов раскопок Кузнецовского городища, Валукинский Н.В. приходит к заключению, что население городища занималось земледелием, охотой, скотоводством и рыбной ловлей, также было знакомо с металлургическим производством и ткачеством, а славянский слой на Большом Боршевском городище относит к IX – X векам. Эту характеристику автор распространяет и на культуру древнерусского Подонья в целом (Валукинский, 1940, 15).

Из советских археологов изучением вятичей по курганным материалам основательно занимался А.В. Арциховский, который предложил детальную хронологическую классификацию вещевого материала. Так же он коснулся вопроса границ расселения вятичей. Примечательно то, что очерченные границы А.В. Арциховским, на основании курганных древностей, полностью совпали с границами установленными Н.П. Барсовым, который определил их путем анализа сведений письменных источников, однако А.В. Арциховский был склонен считать, что границы расселения вятичей расширились на восток, в область рязанского течения Оки. А.В. Арциховский так же указывал что вятичам принадлежали некоторые курганы с трупосожжениями и отмечал наличие преемственности в их погребальном обряде (захоронения в деревянных ящиках в курганах с трупосожжениями и в таких же ящиках в курганах с ингумациями), но не связывал эти курганы с одновременными им

поселениями и не делал из этого более широких выводов о необходимости изучения древностей вятичей раннее XII века (*Арциховский, 1930, 128*).

После Великой Отечественной войны, в 1948 г. в свет выходит первое монографическое исследование П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова, о древнерусских поселениях Подонья. По мнению авторов, древнерусские поселения Подонья (принадлежавшие главным образом вятичам), считаются ими одной из территориальных групп славянских памятников второй половины I тысячелетия н.э., распространенных на всем пространстве Восточной Европы. На этот раз П.П. Ефименко соглашается с тем, что основным занятием обследованных городищ была не охота, а земледелие. Об этом свидетельствуют найденные остатки злаков, ручных жерновов, наличие хлебных ям на городищах, а также специального мельничного помещения на Большом Боршевском городище. Авторы высказали предположение, что землю обрабатывали деревянным плугом, поскольку плуги обнаружены не были. Так же было мало обнаружено железных предметов, что позволило сделать вывод о том, что металлургическое производство находилось на примитивной стадии развития. Напротив, было найдено большое количество костяных и роговых орудий, изготовленных в рамках домашнего хозяйства. Единичное количество было привозных изделий, главным образом монет, посуды и украшений. Все это позволило сделать вывод о слабом развитии ремесленного производства и торгового обмена. Что касается общественного строя населения Подонья, то по мнению исследователей, Большое Боршевское городище характеризуется прочными устоями родового строя, когда как на остальных городищах, шел процесс распада родовых отношений, на том основании, что на Большом Боршевском городище жилища, в том числе хозяйственные постройки, были соединены между собой крытыми переходами, остальные же городища характеризуются отдельно стоящими постройками. (*Ефименко, Третьяков, 1948*). Однако, со временем П.Н. Третьяков, в более поздней работе, отказывается от утверждения об устоях

родового строя, а приходит к выводу что на Большом Боршевском городище поселок распадался на несколько дворов больших патриархальных семей, которые были объединены в территориальную общину (*Третьяков, 1953, 288*).

По мере того как велось изучение славянских поселений Верхнего и Среднего Дона, у археологов появлялся новый материал для характеристики хозяйства. Исследователи шли к выводу, что быт славян этой территории вовсе не был таким уж примитивным. К такому заключению шли на основании исследования городищ роменского типа. Так, И.И. Ляпушкин, дает единую характеристику хозяйства восточных славян, живших на огромной территории от р. Прута до Дона, подчеркивая, что все они были земледельцами с достаточно высоким уровнем развития других отраслей хозяйства. (*Ляпушкин, 1968, 133*). Так же, проанализировав систему расположения построек на Большом Боршевском городище, И.И. Ляпушкин заключает, что в полуземлянках восточных славян VIII – X вв. размером 12-20 м² жили малые, индивидуальные патриархальные семьи, объединённые в сельскую общину, поскольку здесь, так же, как и на других славянских поселениях этого времени, существовали обособленные друг от друга однокамерные постройки. (*Ляпушкин, 1957, 3*). Таким образом идея П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова о существовании у донских славян прочного устройства родового строя была отвергнута. Позже, происхождение роменско-боршевской культуры, П.Н. Третьяков свяжет с передвижением населения из северо-восточного Поднепровья и бассейна Верхней Оки. Особенности погребально ритуала, П.Н. Третьяков связывает со спецификой балтской культуры (*Третьяков, 1970, 70*).

Что касается датировки поселений Подонья, то на этот счет было высказано две точки зрения. П.П. Ефименко датировал их VIII – X вв., однако Б.А. Рыбаков был склонен относить данные поселения к VI – VII вв. (*Рыбаков, 1934, 322*). На основании исследования археологических материалов поселений Дона и Воронежа, и, как следствие, выход в свет монографии П.П.

Ефименко и П.Н. Третьякова «Древнерусские поселения на Дону», стало очевидно правильность мнения П.П. Ефименко (*Ефименко, Третьяков, 1948*). С мнением П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова был согласен и И.И. Ляпушкин, объединив роменско-боршевскую культуру и датировав ее VIII – X вв.. Благодаря всему этому, датировка П.П. Ефименко стала общепризнанной. (*Ляпушкин, 1947, 121*). Поисками ранних курганов и поселений вятичей занимался и П.Н. Третьяков, который пришел к выводу о том, что к северным восточнославянским племенам относятся курганы с трупосожжениями VI – VII вв. у деревень Шаньково и Почепок (*Третьяков, 1941, 48-51*). Однако по результатам исследования Е.Н. Носова, оказалось, что существуют определенные противоречия в самих архивных материалах этого типа могильников, а также между архивными данными и их публикацией (*Носов, 1974, 12*).

Недостаток изучения погребального обряда восполнил А.З. Винников в монографии «Славянские курганы Лесостепного Дона», где наиболее подробно рассмотрел каждый исследуемый могильник. В результате он пришел к выводу, что погребальный обряд донских славян был далеко не единым и отверг принадлежность памятников на Дону одним лишь вятичам. Однако, автор оставил открытым вопрос об истоках деревянных погребальных конструкций, а также отметил, что решать вопрос об этнической принадлежности донских славян нужно комплексно, с учетом всех видов археологических источников (*Винников, 1984, 187*). На этом основании, автор написал обобщающую монографию о славянах Лесостепного Дона, в которой дал оценку развития славян на Дону. Автор отметил, что крайнее положение донских славян в восточнославянском мире оказало существенное влияние на славян Лесостепного Дона, которое выразилось в консервативности ряда отраслей: железоделательное производство, господство лепной керамики, слабое развитие ювелирного мастерства. Также автор отметил специфические черты донских славян – наличие погребальных деревянных сооружений

вместе с веревочным орнаментом, а также паритетные отношения с алано-болгарским миром (*Винников, 1995, с 152*).

1.2. Источники

На основании археологических источниках, в Лесостепном Подонье можно выделить две группы восточнославянских памятников, прежде всего погребальных, которые отличаются своими особенностями: Средний Дон (Боршевский могильник), р. Воронеж (Лысогорский, Белогорский I – II, Кузнецовский, Шиловский, Животинный).

Боршевский могильник расположен на высоком плато правого берега р. Дон у с. Борщево в Хохольском районе Воронежской области. В разные годы здесь было исследовано 34 курганных захоронения. В 1905 г. А.А. Спицыным было исследовано восемь курганов в северо-западной части могильника. В шести курганах оказались трупосожжения. В пяти из них (1, 2, 3, 4, 5) были встречены остатки погребальных камер. В погребальных камерах четырех курганов (1, 2, 3, 5) находились кальцинированные кости, а в трех стояли сосуды. В кургане 6 кальцинированные кости находились в центральной части кургана рядом с сосудом, так же здесь был обнаружен тонкий угольный слой. Курган 7 докопан А.А. Спицыным не был, а в кургане 8 не оказалось погребения. Как уже говорилось выше, А.А. Спицын заметил сходство этих курганов с верхнеокскими курганами. Что касается самих деревянных конструкций, то надо сказать, что они дошли до нас далеко не одинаковой сохранности. В кургане 4 сохранилось лишь несколько плах, а в кургане 6 от камеры остались лишь следы угольного слоя. К сожалению, А.А. Спицын исследовал только центральную часть курганов, где края оказались не изучены, поэтому ничего не известно о наличии оградок (*Винников, 1984, 10*). Не оставались без внимания ученого и поселенческие памятники. В 1905 г. А.А. Спицын провел разведочные работы на территории селища Большого Боршевского городища – были вскрыты две полуземлянки площадью 3,55 х

3,2 м и 4,64 x 3,55 м. Обе находились в слое пожара. Примечательно что одна из землянок отапливалась очагом.

В 1929 г. экспедицией ГАИМК под руководством П.П. Ефименко было раскопано четыре кургана. Курганы копались примерно в той же части могильника, где проводил свои работы А.А. Спицын. Очень важно отметить, что во всех них были обнаружены погребальные деревянные камеры. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков выделяют некоторые общие черты всех четырех курганов. Во-первых, во всех насыпях в северо-восточном секторе имелись деревянные ящики, стоящие на погребенной почве; в ящиках находились кальцинированные кости и глиняная посуда. Во-вторых, захоронения совершались постепенно, курганы являлись коллективными погребальными сооружениями, родственных групп. В-третьих, сожжения происходили на стороне, следов кострищ обнаружено не было. В-четвертых, во всех курганах были обнаружены остатки деревянных кольцевых оградок. И наконец, в-пятых, какие-либо украшения отсутствуют. Здесь следует обратить внимание на курган 4, так как помимо основного погребения, в нем было обнаружено впускное погребение новорожденного ребенка. Скелет не носил следов огня, сохранился очень плохо. Удалось определить, что погребенный был похоронен в скорченном положении, головой к центру насыпи. Так же в погребении были обнаружены бронзовый бубенчик и бронзовая крестовидная подвеска, которые П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков датировали IX-X вв. (*Ефименко, Третьяков. 1948... 82 - 91*). А.Н. Москаленко предположила, что новорожденных детей вообще не принято было подвергать сожжению, но как показали последующие раскопки, эта идея не подтвердилась, а курган 4 имеет случайный характер погребения, который связан с какими-то особыми обстоятельствами (*Москаленко. 1981... 120*).

В экспедиции ГАИМК под руководством П.П. Ефименко 1928 – 1929 гг. провела раскопки северной части Большого Боршевского городища. Было отмечено что культурный слой наиболее хорошо сохранился в восточной

части городища и его мощность составляла 0,75 – 1 м. Было так же исследовано 18 полуземлянок, 6 ям-хранилищ и некоторые остатки наземных сооружений. Было получено общее представление о деталях устройства сооружений, однако в целом материал очень немногочисленный. Отмечено, что жилища соединены между собой переходами, что в последствии было опровергнуто И.И. Ляпушкиным. Работы проводились и на Малом Боршевском городище и прилегающем к нему селище, но они носили разведочный характер. Было вскрыто 3 полуземлянки на селище, как отмечается, они, в отличии от жилищ Большого Боршевского городища не имели между собой переходов (*Ефименко, Третьяков, 1948. 65 - 80*). В целом же была проделана огромная работа, однако по ее итогам, выводы были сделаны недостоверные.

Вятические курганы с труположениями и их вещевой инвентарь были систематизированы и интерпретированы А.В. Арциховским в монографии «Курганы вятичей». В общей сложности им было проанализировано 229 женских могильных инвентарей, причем вятическими являлись только 167, остальные 69 принадлежали кривичам. Выделенные им предметы – семилопастные кольца, решетчатые перстни, пластинчатые загнутоконечные браслеты, а также хрустальные и желтостеклянные шарообразные бусы, позволили детально обрисовать вятическую племенную территорию XII – XIV вв. Когда А.В. Арциховский писал свою монографию, курганы с трупосожжениями, которые могли очертить более ранний регион вятичей, были практически неизвестны, однако на основании данных летописца: «И радимичи, и вятичи, и северь один обычай имяху: ...аще кто умряще, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху краду велику, и въсложухуть в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять вятичи и няне...», исследователь делает выводы о том, что до XII века вятичи хоронили прах «на столпе» (в небольших надмогильных домиках), следственно на долю археологов от такого обряда ничего не остается (*Арциховский, 1930...151-152*).

Короче говоря, исследователь занимался курганами более позднего времени, поэтому его труд только лишь косвенно относится к изучаемому периоду.

В 1953 г. начались систематические раскопки городища Титчиха. В сравнении с Боршевскими городищами, на памятнике собрана разнообразная коллекция вещей, однако практически все они были в единичном экземпляре, за исключением предметов массового распространения (крючки, ножи, бусины и наконечники стрел). Так же был обнаружен клад арабских монет и клад украшений, состоящий из двух пятилучевых колечек и двух проволочных (*Москоленко, 1965, 76, 220*). В целом же эти находки позволили судить о материальной культуре донских славян и об их роли в международной торговле с востоком.

В последующем, работы проводились в 1963 и 1965 гг. Воронежским государственным университетом экспедицией А.Н. Москаленко, которые позволили ей детально изучить погребальный обряд донских славян. В 1963 г. было раскопано 6 насыпей. Один из курганов находился в малой курганной группе, все остальные в восточной. В 1965 г. вскрыто 17 насыпей восточной части могильника А.Н. Москаленко, разбила погребения Боршевского могильника на 4 группы: 1) курганы с камерой и оградкой; 2) курганы только с кольцевой оградкой; 3) курганы с камерой; и 4) курганы без камеры и без оградки. (*Москаленко, 1966, 134 - 136*). Таким образом, исследователь положила начало более детального изучения Боршевских курганов, выделив их в группы в соответствии с данными условиями контекста обнаружения. Данная классификация была позднее дополнена А.З. Винниковым по результатам раскопок экспедицией ВГУ в 1980 г. (*Винников, 1984*) и сейчас является общепринятой.

Таким образом, за все время изучения данного памятника, были исследованы в общей сложности тридцать четыре кургана. В 28 из них обнаружены деревянные сооружения, в 16 из них наличествуют погребальные камеры и кольцевые оградки. В 7 курганах только погребальные камеры, а в 4

курганах только кольцевые оградки. Благодаря этому, мы имеем полную картину погребального обряда поселения славян у с. Борщево.

Относящиеся ко второй половине первого тысячелетия курганы с трупосожжением, известные на территории Восточной Европы, заслуживают самого пристального внимания. Их материалы могут быть привлечены для решения важных вопросов, например, в вопросах материальной культуры восточных славян конца первого тысячелетия. Они так же ценны и для изучения погребального обряда славян.

Известные в настоящее время курганы вятичей на Верхней Оке с трупосожжениями относятся к VIII – XI вв и подразделяются на два типа: курганы без погребальных камер и курганы с погребальными камерами, в которые помещали остатки трупосожжения. Курганы первого типа на сегодняшний момент составляют абсолютное большинство курганов вятичей на всей территории их расселения и в целом они аналогичны погребальным насыпям других славянских племен IX - X вв. Обряд погребения характеризуется сожжением на стороне. Собранные с погребального костра кальцинированные косточки, как правило, кучками или в глиняной урне помещали прямо в курганной насыпи, в ее основании или в верхней части. Как правило, курганы содержали в себе не только одиночные захоронения, но и многократные. Так же следует отметить, что большинство таких захоронений безинвентарные (*Седов, 1973, 12*).

Одним из наиболее исследованных памятников, является курганный могильник, расположенный в урочище «Игрище» в 0,5 км севернее от с. Лебедка в бассейне р. Цона – левого притока Верхней Оки. В общей сложности раскопано 32 кургана, причем во многих насыпях содержалось от двух до четырех захоронений. В основаниях погребальных насыпей зафиксированы следы кольцевых или прямоугольных оградок. Большинство захоронений безинвентарные, однако, в двух захоронениях были найдены случайные находки в виде стеклянных бус и медных спиралек, в другом

только железная пряжка. Типы погребальных урн свидетельствуют о том, что могильник относится к VIII – X вв, так как подобная керамика была обнаружена в некоторых слоях расположенного неподалеку поселения (*Никольская, 1959, 75-78*).

Курганы первого типа раскапывались при дер. Плота, где в насыпи кургана был найден глиняный горшок с кальцинированными костями. При с.Спасское, в насыпи кургана так же были найдены кальцинированные косточки, а на материке зафиксирован зольный слой с костями (*Седов, 1973, 12*).

Подобные курганы были обнаружены и в бассейне р. Зуши – правого притока Верхней Оки (близ Мценска, дер. Шлыково, хут. Никитина). Кальцинированные кости находились как в основании курганов (Мценские), так и в верхней части (Шлыковские курганы). Инвентарь отсутствовал, а часть погребений была безурновой (*Седов, 1973, 12*).

Трупосожжения первого типа были обнаружены и далее вниз по Оке, так например они были открыты в Воронцовском могильнике (*Городцов, 1900, 14-20*) на котором я подробно остановлюсь чуть ниже. Один курган с несколькими безурновыми трूपосожжениями был обнаружен у дер. Городище. Два кургана, содержащие сожжённые кости, расположенные кучкой и накрытые горшками, находятся в Городке (*Седов, 1973...13*). К этому же типу принадлежат два из трех курганов у с. Песковатое. В одном из них кальцинированные кости зафиксированы в насыпи кургана среди угольного включения; во-втором – одна кучка пережженных костей залегала на материке, три другие - в верхней части курганной насыпи.

Аналогичные типы курганов составляли основную часть могильников близ дер. Западной (*Изюмова, 1964, 151-163*), при дер. Доброе (*Изюмова, 1970, 191-201*), а также у дер. Вороново в устье р. Жиздры. В верховьях Жиздры у дер. Солоново раскопками В.И. Лабунского был открыт курган с

трупосожжением в урне (*Седов, 1973, 14*). В целом же нельзя не отметить тот факт, что курганы с деревянными конструкциями на Верхней Оке являются единичными и соседствуют с курганами с обрядом трупоположения, что свидетельствует об их более позднем существовании в отличие от курганов донских славян.

Подводя итог историографическому обзору, следует отметить что накопилось множество исследовательских работ по донским славянам. Если начало XX столетия характеризуется накоплением материалов по данной теме, исследователи формировали проблематику, особенно что касается этническом и социально-экономическом положении донских славян, то к концу века появились уже обобщающие работы монографического характера (*А.Н. Москаленко, 1981; А.З. Винников, 1984*), в которых авторы попытались сделать общие выводы по истории как материальной культуры восточнославянского племени на берегах Дона, так и об их социально-экономическом и политическом состоянии. Все же тема остается до конца не изученной, а в последнее время не появилось ни одной общей работы по данной проблеме. Так, остается открытым вопрос об истоках культуры деревянных конструкций в известных погребениях на Дону, также на мой взгляд, достаточно спорной остается тема о взаимоотношениях с восточными соседями и роль донских славян в международной торговле – в каком политическом состоянии находились славянская ойкумена с Хазарией. Эти и другие проблемы необходимо еще раз пересмотреть и возможно дополнить новыми данными.

ГЛАВА 2. Погребальный обряд населения Лесостепного Дона и Верхней Оки

На основании археологических данных, в Лесостепном Подонье можно выделить две группы восточнославянских памятников, прежде всего погребальных, которые отличаются своими особенностями: Средний Дон (Боршевский могильник) и на р. Воронеж (Лысогорский, Белогорский I – II, Кузнецовский, Шиловский, Животинный) (*Рис. 3*).

Боршевский могильник расположен на высоком плато правого берега р. Дон у с. Борщево в Хохольском районе Воронежской области (*Рис. 4*). В разные годы здесь было исследовано 34 курганных захоронения, так, в 1905 году А.А. Спицыным было исследовано восемь курганов в северо-западной части могильника. В шести курганах оказались трупосожжения. В пяти из этих курганов (1, 2, 3, 4, 5) были встречены остатки погребальных камер. В погребальных камерах четырех курганов (1, 2, 3, 5) находились кальцинированные кости, а в трех из них стояли сосуды. В кургане 6 кальцинированные кости находились в центральной части кургана рядом с сосудом, так же здесь был обнаружен легкий угольный слой. Курган 7 докопан А.А. Спицыным не был, а в кургане 8 не оказалось погребения. Как уже говорилось выше, А.А. Спицын заметил сходство этих курганов с верхнеокскими курганами. Что касается самих деревянных конструкций, то надо сказать, что они дошли до нас далеко не в одинаковой сохранности. В кургане 4 сохранилось лишь несколько плах, а в кургане 6 от камеры остался лишь угольный след. К сожалению, А.А. Спицын копал только центральную часть курганов, в итоге края погребальных насыпей оказались не исследованы, поэтому ничего не известно о наличии оградок (*Винников, 1984, 10*). В итоге можно сказать, что раскопанные А.А. Спицыным курганы дают стабильный обряд погребений: 1) наличие деревянных погребальных сооружений, в данном случае это только погребальные камеры, ориентированные по линии З - В, так как в виду специфики методики археологического исследования не

удалось проследить деревянные оградки, а может быть оградки в курганах просто отсутствовали; 2) сожжение на стороне с последующим помещением в лепной сосуд или на пол погребальной камеры; 3) погребальные камеры имеют разную степень сохранности. Таким образом, А.А. Спицыным были сделаны первые наблюдения и выделены специфические черты погребального обряда – наличие деревянных конструкций в погребении.

В 1929 г. экспедицией ГАИМК под руководством П.П. Ефименко было раскопано четыре кургана (*Табл. 1*). Курганы копались примерно в той же части могильника, где проводил свои работы А.А. Спицын. Очень важно отметить, что во всех четырех курганах были обнаружены погребальные деревянные камеры. П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков выделяют некоторые общие черты всех четырех курганов. Во-первых, во всех курганах в северо-восточном секторе имелись деревянные ящики, стоящие на погребенной почве; в ящиках находились кальцинированные кости и глиняная посуда. Во-вторых, захоронения совершались постепенно, курганы являлись коллективными погребальными сооружениями, родственников групп. В-третьих, сожжения происходили на стороне, следов кострищ обнаружено не было. В-четвертых, во всех курганах были обнаружены остатки деревянных кольцевых оградок. И наконец, в-пятых, какие-либо украшения отсутствуют. Здесь следует обратить внимание на курган 4, так как помимо основного погребения, было обнаружено впускное погребение новорожденного ребенка. Скелет не носил следов огня, сохранился очень плохо. Но удалось определить, что погребенный был похоронен в скорченном положении, головой к центру насыпи. Так же в погребении были обнаружены бронзовый бубенчик и бронзовая крестовидная подвеска, которые П.П. Ефименко и П.Н. Третьяков датировали IX-X вв. (*Ефименко, Третьяков, 1948, 82 - 91*). А.Н. Москаленко предположила, что новорожденных детей вообще не принято было подвергать сожжению, но как показали последующие раскопки, эта идея не подтвердилась, а курган 4 носит характер единичного случая подобного

обряд, который может быть был связан с какими-то особыми обстоятельствами (Москаленко, 1981, 120). Таким образом, удалось не только подтвердить наблюдения А.А. Спицына, но и существенно дополнить их, но масштабные раскопки, которые позволили сделать уже общие выводы, наметить тенденцию погребального обряда для всего могильника, проводились уже во второй половине XX столетия.

Так, Боршевский могильник был исследован в 1963 и 1965 гг. Воронежским государственным университетом (ВГУ) экспедицией А.Н. Москаленко. Эти работы позволили детально изучить погребальный обряд донских славян. В 1963 г. было раскопано 6 насыпей. Один из курганов находился в малой курганной группе, все остальные в восточной. В 1965 г. вскрыто 17 насыпей восточной части могильника А.Н. Москаленко, разбила погребения Боршевского могильника на 4 группы: 1) курганы с камерой и оградкой; 2) курганы только с кольцевой оградкой; 3) курганы с камерой; и 4) курганы без камеры и без оградки. (Москаленко, 1966, 134 - 136). Таким образом, курганы были образованы в группы по отличительным их признакам, что позволило делать уже выводы относительно этнической характеристики славянской конгломерации на Дону.

Таким образом, за все время изучения данного памятника, были исследованы в общей сложности тридцать четыре кургана. В 28 из них обнаружены деревянные сооружения, в 16 из них наличествуют погребальные камеры и кольцевые оградки. В 7 курганах только погребальные камеры, а в 4 курганах только кольцевые оградки. Благодаря этому, мы имеем полную картину погребального обряда поселения славян у с. Борщево.

Чем же характеризуется погребальный обряд Боршевского населения? Боршевские курганы сложены из чернозема с меловой щебенкой, землю брали из около курганных ровиков, а также с прилегающих территорий. Ровики со следами ритуальных кострищ по периметру имели культовое значение. Одной из принципиально важных особенностей этих курганов является наличие в них

деревянных конструкций в виде погребальных камер, круговых оградок и в ряде случаев столбов, стоящих в центре или почти в центре кургана (Рис. 5). Камеры представляют собой деревянные ящики, размером 0,8–1,4×1,3–2,35 м, высотой 0,3–0,6 м, стоящие в северо-восточной части кургана, ориентированные длинной осью юго-запад – северо-восток, с некоторым отклонением в ряде случаев. Камеры имеют три стенки: та, которая обращена к полю кургана, как правило, отсутствует, и с этой стороны был вход в камеру, от конструкции которого во многих курганах прослежены два столбика или ямки от них. Крышка камер сооружалась из нескольких продольных плах, поверх которых выявлены площадки обожженной глины. Пол в камерах деревянный или из обожженной глины, а в некоторых камерах специально сделанный пол вообще отсутствует. Круговые оградки ставились в кольцевые ровики или в специально сделанные ямки. Диаметр оградок – 5,5–10,5 м. Сохранилась она на высоту 0,3–0,7 м. Во всех курганах оградка прерывалась в северо-восточном секторе – напротив входа в погребальную камеру. В некоторых курганах прослежены столбы в центральной части насыпи, которые, очевидно, выполняли конструктивную функцию, предотвращая насыпь от расползания.

Кальцинированные кости помещались исключительно либо в сосуде, или на полу камеры небольшими скоплениями. Так, во всех курганах было обнаружено 50 сосудов с пережженными костями, некоторые из них были пустыми – скорее всего имели ритуальное значение. Керамические фрагменты были зафиксированы и в самой насыпи. Большинство сосудов представлено славянским типом керамики, однако подробное изучение керамики относится к отдельной главе.

Таким образом, на Боршевском могильнике можно выделить следующие черты погребального обряда: 1) отсутствие специально положенного инвентаря в захоронение; 2) наличие деревянных погребальных конструкций в виде погребальных камер, оградок и столбов в центре насыпи; 3) отсутствие

кальцинированных костей в заполнении насыпи, говорит о том, что сожжение происходило на стороне; 4) помещение кальцинированных костей в сосуд или кучками на пол камеры; 5) преобладание керамики славянского (боршевского) типа; 6) наличие кольцевых околокурганых ровиков с ритуальными кострищами.

Что касается второй группы могильников – на р. Воронеж, то они имеют ряд примечательных отличий от Боршевских курганов. На протяжении XX века, здесь было исследовано 107 курганов, главным образом на четырех основных могильниках: Лысогорском (*Рис. 6; табл. 2*), Белогорском I (*Рис. 7; табл. 3*), Белогорском II (*Рис. 8; табл. 4*) и Кузнецовском. В отличие от Боршевского могильника, в Воронежских погребениях погребальный обряд не имеет четкой стабильности, так как данные могильники характеризуются разными типами погребений, выделенными А.З. Винниковым: 1) трупосожжение на стороне, за пределами кургана с помещением остатков кремации на погребенной почве в восточной половине; 2) трупосожжение на стороне, за пределами кургана с помещением остатков кремации в деревянные камеры; 3) трупосожжение на стороне, за пределами кургана с вторичным обжигом на месте и с захоронением в восточной половине кургана на уровне погребальной почвы; 4) трупосожжение на месте в различных частях насыпи и с захоронением остатков кремации в восточной половине кургана; 5) трупосожжение на месте в деревянных конструкциях (*Винников, 1995, 95*).

Первая группа является самой многочисленной и встречается во всех погребениях Белогорского I и Кузнецовского могильников. В Лысогорском могильнике она составляет 50%, а на Белогорском II 53%. Высота курганов данной группы составляет 0,65 – 1,5 м при диаметре 5 – 12 м. У значительной части курганов прослежены ровики с одной или с двух сторон, с угольками на дне. В ряде курганов зафиксированы углистые скопления, в отдельных случаях – вместе с кальцинированными костями. Погребения на уровне погребенной почвы сконцентрированы в восточной половине насыпи (*Рис. 9*).

Преобладают курганы с одним сосудом или вообще без сосудов, что говорит о характере одиночных погребений. Нередко сосуды были обнаружены пустыми и, вероятнее всего, имели ритуальное значение. Также следует отметить отсутствие специально положенного инвентаря, за исключением некоторых курганов II Белогорского могильника, где были зафиксированы обломок сердоликовой бусы (курган 3), железный нож, дирхем-подвеска, заготовка глиняного пряслица и каменный оселок-амулет, а также кургана 4 (стеклянная бусина) и 15 (каменный пест) Лысогорского могильника. Еще одной Белогорского II могильника является наличие подкурганных ямок, в которых стояли сосуды, а в курганах 21 и 53 были зафиксированы остатки круговой оградки.

Ко второй группе принадлежат только Белогорский II могильник и Лысогорский, 23 % и 15 % соответственно. Камеры находились в восточной половине кургана, в ряде случаев на небольшой земляной подсыпке. Их размеры: 0,45–0,9 × 1–1,85 м, высота – 0,15–0,25 м. Сооружены, как правило, из одного венца бревен и имеют довольно сильную обожженность. Как правило, камеры имеют три стены, а со стороны полы кургана камеры открыта, однако исключение замечено в кургане 19 Лысогорского могильника, где ящик был закрыт со всех сторон. В кургане 60 Белогорского II могильника прослежен иной вид погребальной камеры – сооружение из 4 вертикальных столбов и соединяющих их поперечных плах. Необходимо отметить отсутствие кольцевых ровиков и оградок, за исключением курганов 21 и 53 Белогорского II могильника, где следы оградок в виде нескольких столбиков по периметру, были обнаружены. Полom служила или площадка из обожженной глины или просто земляная подсыпка, а в некоторых случаях был отмечен деревянный пол. Кальцинированные кости лежали или у входа в камеру, или в центре камеры, а также могли занимать всю площадь. Однако, примечательно что во всех сосудах обеих могильников, кальцинированные кости отсутствовали.

К третьей группе погребений принадлежит 4% от общего числа курганов Лысогорского могильника (курган 9) и 25% от II Белогорского (15 насыпей). Высота курганов этой группы 1,1 – 1,2 м при диаметре 7 – 9 м. Погребения выявлены в восточной части или в юго-восточной части насыпи. В некоторых курганах прослеживаются ровики либо с одной, либо с нескольких сторон, однако следов кострищ зафиксировано не было. Все погребения данной группы можно условно разделить на три подгруппы: 1) кальцинированные кости вперемешку остатками кострищ, углями и обожженными плахами на погребенной почве, которая имеет следы прокала; 2) на погребенной почве имеется площадка обожженной глины, на которой выявлены кострища и кальцинированные кости, погребенная почва имеет следы прокаленности; 3) остатки кострищ с кальцинированными костями на погребенной почве, сверху перекрытые слоем обожженной глины, на которой встречены угли (Винников, 1995, 97).

К четвертой группе относится 19% курганов Лысогорского могильника и 3,3 % II Белогорского. Высота курганов этой группы составляет 1,2 – 1,5 м при диаметре 8,2 – 10,2 м. Ровики прослежены у пяти курганов (курганы 33, 51 II Белогорского могильника и курганы 1, 3, 11 Лысогорского могильника), только у кургана 1 Лысогорского могильника ровик идет по всему периметру. Все насыпи содержат в себе погребальные кострища в разных частях насыпи, но при этом в Лысогорском могильнике захоронения, независимо от местонахождения погребального костра, находятся в восточной части кургана. Погребения представляют собой скопление кальцинированных костей без углей и золы, рядом с которыми или на них стоят сосуды без костей. В двух курганах Белогорского могильника кострище находится строго в восточной части и остатки кремации собраны на месте сожжения.

К пятой группе – курганы с сожжением в специальных сооружениях принадлежит две насыпи (курганы 15 и 28) со II Белогорского могильника (3,3 %). Ровики по периметру зафиксированы не были. Деревянные конструкции в

два раза больше чем обычные погребальные камеры. Сверху их перекрывает слой обожженной глины 5 – 10 см, на котором на котором имеется большое количество углей. Сильная прокаленность погребенной почвы свидетельствует о том, что сожжение производилось на месте. В камерах были обнаружены сосуды без костей (*Рис. 10*).

Таким образом, различия в погребальном обряде между этими двумя макрорегионами весьма существенны. Боршевский могильник на Среднем Дону обладает устойчивым погребальным обрядом, в то время как могильники на р. Воронеж характеризуются разными типами погребений, при этом наиболее распространенным типом является кремирование на стороне с последующим захоронением кальцинированных костей в восточной половине насыпи на уровне погребенной почвы. Значительно меньше распространен второй тип – трупосожжение на стороне и помещение остатков кремации в деревянных камерах, при этом наблюдается значительное упрощение деревянных конструкций в отличие от Боршевского могильника. Так же имеет значительное распространение третья группа – трупосожжение на стороне со вторичным обжигом на месте. Значительную группу составляют курганы четвертой группы – трупосожжение на месте. И только на II Белогорском могильнике два кургана с кремацией в специальной деревянной конструкции относятся к пятой группе.

Итак, судя по погребальным памятникам, можно сказать, что в Лесостепном Подонье не было единообразного погребального обряда у славян. Наблюдается как минимум две обособленных группы – Боршевская, где погребальный обряд достаточно устойчивый и выражается в традиции использования деревянных погребальных конструкций: камер и оградок, при этом оградки имеют гораздо большее распространение по всей Восточной Европе, а камеры, напротив, имеют локальный вариант распространения – только на Боршевском могильнике они наблюдаются в большом количестве; и Воронежская группа, где погребальный обряд не устойчивый и имеет свои

локальные варианты на могильниках (*Рис. 11*). Существует уже устойчивая точка зрения, что Боршевские курганы имеют схожесть с рядом Верхнеокских могильников (*Бессарабова, 1973, с 65 – 82; Винников 1984, с 160*), что не вызывает сомнения. Однако деревянные сооружения были распространены и в других областях Восточной Европы, так домовины известны на Ярославских могильниках (*Дубов, 1990, с 19*), у дреговичей (*Седов, 1982, с 120*), однако эти камеры имеют существенные конструктивные различия: гораздо большие размеры и срубную конструкцию, к тому же нередко эти домовины ставились поверх кургана, что не свойственно для Боршевского могильника, поэтому в данном случае здесь можно указывать только на сакральную схожесть, но не конструктивную. На р. Воронеж сравнительно разнообразные варианты погребений оставило население с прочным внутренним единством, в основе которого лежат элементы восточнославянского погребального обряда. Подавляющее большинство курганов на всех могильниках содержит захоронение с обрядом трупосожжения на стороне с помещением останков, не редко с золой, углями и обожженной глиной, на погребенной почве в восточной половине насыпи. Подобные захоронения довольно широко распространены и на Верхнеокских могильниках, и в погребальных традициях дреговичей, однако с той лишь разницей, что кальцинированные кости помещали в верхней части насыпи. Такой же обряд захоронения наблюдается и в длинных курганах кривичей (*Седов, 1982, с 162*). На Правобережье Днепра, на территории Лука Райковецкой культуры, так же встречается подобный тип захоронения, однако в основном там распространен обряд трупосожжения на стороне с последующим помещением останков в подкурганые ямки. Кстати, подобный обряд наблюдается и на II Белогорском могильнике (курганы 25, 32, 34, 37), что может свидетельствовать о принадлежности данных курганов выходцам из Правобережного Днепра. В Белогорских могильниках распространены и небольшие кострища в насыпях, что характерно опять же для ряда могильников Днепровского Правобережья, поэтому нельзя не согласиться с утверждением В.В. Седова о том, что это было вторжение

большой массы с Днепровского Правобережья, одна часть которой осела на притоках Днепра, а другая продвинулась дальше до Дона.

В некоторых курганах на р. Воронеж (Лысогорский и II Белогорский могильник), выявлена серия погребений с трупосожжением на месте, при этом в некоторых курганах – на небольшой подсыпке. По мнению А. Н. Москаленко данные погребения характерны радимичам (*Москаленко, 1981, с 120*), однако подсыпки встречаются на значительно большей территории, а не только у радимичей, к тому же у радимичей встречаются трупосожжения как на подсыпке, так и без нее в пределах одного могильника. Что касается двух курганов со II Белогорского могильника с трупосожжением в специальных деревянных конструкциях, которые прослежены только по пятнам и имели гораздо большие размеры, чем деревянные погребальные камеры, то вероятно, что эти конструкции были только лишь разновидностью Боршевских погребальных камер, искать параллели в других регионах представляется не возможным, так как неизвестно как выглядели эти две камеры конструктивно.

Таким образом, можно утверждать, что на р. Воронеж могильники оставило восточнославянское население, однако могильники эти имеют свои локальные особенности, аналогии которым можно найти в могильниках Днепровского Правобережья

Известные в настоящее время курганы вятичей на Верхней Оке с трупосожжениями относятся к VIII – XI вв и подразделяются на два типа: курганы без погребальных камер и курганы с погребальными камерами, в которые помещали остатки трупосожжения (*Рис. 12, 13*). Курганы первого типа на сегодняшний момент составляют абсолютное большинство курганов вятичей на всей территории их расселения и в целом они аналогичны погребальным насыпям других славянских племен IX - X вв. Обряд погребения характеризуется сожжением на стороне. Собранные с погребального костра кальцинированные косточки, как правило, кучками или в глиняной урне помещали прямо в курганной насыпи, в ее основании или в

верхней части. Как правило, курганы содержали в себе не только одиночные захоронения, но и многократные. Так же следует отметить, что большинство таких захоронений безинвентарные (*Седов, 1973, 12*).

Одним из наиболее исследованных курганов является курганный могильник, расположенный в урочище «Игрище» в 0,5 км севернее от с. Лебедка в бассейне р. Цона – Левого притока Верхней Оки. В общей сложности раскопано 32 кургана, причем во многих насыпях содержалось от двух до четырех захоронений. В основаниях погребальных насыпей зафиксированы следы кольцевых или прямоугольных оградок. Большинство захоронений безинвентарные, однако, в двух захоронениях были найдены случайные находки в виде стеклянных бус и медных спиралек, в другом только железная пряжка (*Никольская, 1959, 75-78*).

Курганы первого типа раскапывались при дер. Плота, где в насыпи кургана был найден глиняный горшок с кальцинированными костями. При с. Спасское, в насыпи кургана так же были найдены кальцинированные косточки, а на материке зафиксирован зольный слой с костями. Подобные курганы были обнаружены и в бассейне р. Зуши – правого притока Верхней Оки (близ Мценска, дер. Шлыково, хут. Никитина). Кальцинированные кости находились как в основании курганов (Мценские), так и в верхней части (Шлыковские курганы). Инвентарь отсутствовал, а часть погребений была безурновой (*Седов, 1973, 12*).

Трупосожжения первого типа были обнаружены и далее вниз по Оке. Так, они были открыты в Воронцовском могильнике (*Городцов, 1900, 14-20*) на котором я подробно остановлюсь чуть ниже. Один курган с несколькими безурновыми трепосожжениями был обнаружен у дер. Городище. Два кургана, содержащие сожжённые кости, расположенные кучкой и накрытые горшками, были обнаружены в Городке (*Седов, 1973, 13*). К этому же типу принадлежат два из трех курганов у с. Песковатое. В одном из них кальцинированные кости обнаружены в насыпи кургана среди угольного

включения; во-втором – одна кучка пережженных костей была обнаружена на материке, три другие - в верхней части курганной насыпи. Аналогичные типы курганов составляли основную часть могильников близ дер. Западной (*Изюмова, 1964, 151-163*), при дер. Доброе, а также у дер. Вороново в устье р. Жиздры (*Изюмова, 1970, 191-201*).

В Лебедкинском могильнике раскопано 22 кургана, однако деревянные погребальные камеры встречены только в трех курганах (5, 7, 8). Погребальные камеры находились в южном и юго-западном секторе и ориентированы Ю-З – С-В. Размеры камер 1х1,5 м, высотой 0,3 м. В кургане 5 камера имела сильную обугленность, а курган имел ровик со следами столбовой оградки. Ровик со следами столбиков имел и курган 6. В кургане 8 камеру представлял из себя сруб размером 4х4 м. (*Никольская, 1959, 72-78*).

Деревянная камера размером 1,3х2 м встречена и в Воротынцевском кургане. Одиночный курган был раскопан в 1953 г Т.Н. Никольской. Курган заключал остатки двух разновременных захоронений, к первому относится кострище в СВ секторе кургана на глубине 1,6 м и кольцевая канавка в северной части кургана на глубине 1,8 м. Погребение было окружено кольцевой оградкой, от которой сохранилась часть канавки. Позже на этом месте были захоронены еще несколько урновых погребений в деревянной камере, окруженной прямоугольной оградкой, столбики которой шли в два ряда (*Никольская, 1959... 52-56*). Однако по мнению З.Д. Бессарабовой кольцевая канавка составляет одно целое со столбовой оградкой, примыкающей к камере. По ее мнению, под насыпью кургана находился единый погребальный комплекс - камера, окруженная кольцевой и прямоугольной оградками (*Бессарабова, 1973, 68*).

Наибольшее число курганов с деревянными конструкциями было обнаружено на могильнике у дер. Западной. Курганы данного могильника можно разделить на 2 группы: курганы с обрядом трупосожжения и курганы с обрядом трупоположения. Курганы первой группы содержали остатки

трупосожжений произведенных на стороне и помещенных в курган на заранее выбранную площадку. Характерной особенностью этого могильника является большое количество курганов с погребальными сооружениями в виде срубов (курганы 3,4,5,11,12,14,19,20,22). Как правило, деревянное четырехугольное сооружение трапециевидной формы, содержащее остатки кремации, находилось в западном, южном или в центральном секторе насыпи. Камеры имели вид замкнутого с трех сторон сруба, примыкающего широкой открытой стороной к поле кургана, и была ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Погребальная камера состояла из нескольких венцов, сложенных из бревен или плах, шириной 13-30 см, толщиной 9-16 см, соединенных в паз. Камеры имели разные размеры - длина 100-220 см, ширина 50-175 см. Сверху они были покрыты расколотыми плахами, а снизу имели пол тоже из плах или досок, но под действием огня крышка и пол сильно выгорали, поэтому от них оставались незначительные части (курганы 4,12,14,19). К боковым длинным стенкам примыкала деревянная оградка, наибольшее количество плашек от нее было, как правило найдено возле входа в камеру с обеих сторон. Вход закрывали камнями различных размеров.

Все погребальные сооружения подвергались огню после насыпки кургана, об этом свидетельствует обугливание камеры и прокаленность земли под камерой. В камерах были обнаружены скопления костей в виде сплошного слоя (курганы 4, 14, 20), в виде отдельных кучек (курганы 3-5), или в урнах (от 1-2 до 4-6 штук) (*Исюмова, 1964, 151-163*).

Погребальная деревянная камера выявлена в одном из курганов Добринского могильника – сильно обуглевший сруб размером 1x1,4 м, высотой 0,2x0,25 м был обнаружен в западном секторе кургана. Сруб имел крышку и пол из более тонких и широких плах, чем стенки. Внутри сруба было зафиксировано 3 погребения: по кучке у западной и восточной стенок и в виде россыпи в центре камеры. (*Исюмова, 1970, 195*). Среди инвентаря было

найдено две трехчастные бусины из светло-бирюзового и бирюзового стекла, а также фрагменты сосудов боршевского типа.

Исследованные В.А. Городцовым 6 курганов Воронежского могильника тоже заключали в себе деревянные конструкции (курганы 3, 5). В кургане 3 было обнаружено погребальное сооружение на горизонте под западной полой насыпи, ориентированное по линии СВ-ЮЗ. Внутри камеры были зафиксированы остатки трупосожжений в виде трех кучек кальцинированных костей. В кургане 5 на горизонте под западную полой зафиксированы две погребальные камеры, ориентированные СВ-ЮЗ. Одна из них, размером 0,7 м² при ней не было ни крышки, ни дна, однако содержала в себе урновое захоронение младенца. Второй ящик оказался частично разрушенным – отсутствовала западная стенка ящика и юго-западный угол ящика, а также ящик был сильно обуглен. Примечательно то, что ящик делила перегородка на 2 половины, в одной из которой (северная) погребения отсутствовали, а в другой (южная) в восточном углу найдены были в небольшом количестве кальцинированные кости, а также обломки конских удиц и сплавы каких-то железных вещей (*Городцов, 1900, 14-20*).

Таким образом наблюдается схожий характер погребального обряда восточнославянских племен на Верхней Оки и в Подонье. Можно с полным основанием говорить о характерности погребальных конструкций вполне определенного района: Верхней Оки и Среднего Дона, на что и обратили внимание З.Д. Бессарабова и Т.Н. Москаленко, А.З. Винников отметив что в отличии от Верхнеокских курганов в курганах на Дону остатки погребения содержались чаще всего не в западной, а в восточной части кургана (*Москаленко, 1981, 120*). Это обстоятельство отмечала и Никольская Т.Н. (*Никольская, 1981, 32*). Винников А.З. приходит к мнению, что конструктивно камеры эти абсолютно идентичны, одинаково и их местоположение в курганах. В Боршевском могильнике почти все камеры располагались в северо-восточном секторе и ориентированы, за исключением некоторых, по

линии ЮЗ-СВ. Все камеры открытой стороной – входом, обращены к реке, причем вниз по ее течению. Такая же закономерность в расположении камер наблюдается и на Лысогорском и на Белогорском могильниках. Примечательно то, что и на Верхнеокских могильниках прослеживается тенденция ориентировки погребальной камеры в сторону реки, причем опять-таки вниз по течению (*Винников, 1995, 113*). Подобную картину можно проследить в Воронежских курганах, где камеры располагались в западной половине, но ориентированы по линии СЗ-ЮВ, то есть входом к реке и вниз по ее течению (*Городцов, 1900, 14-20*).

Погребальные камеры Подонья, как и погребальные камеры Верхней Оки подвергались разной степени действию огня. Лысогорские и Белогорские камеры обгорели почти полностью, но камеры Боршевского могильника обгорели не столь сильно. Верхнеокские курганы так же были со следами обожженности, причем юго-западная часть камеры (выходит к полю кургана) была подвержена наименьшему обжигу. Подобная тенденция прослеживается и в Курганах Подонья.

В археологической литературе укрепилось мнение, что истоки происхождения деревянных погребальных камер восходят не к славянским, а к балтским традициям, где встречаются так называемые «домики мертвых». Подобное сооружение известно на Березняковском городище, оно представляло из себя сруб размером 2,25 x 2,25 м, с фасадом, обращенным на восток. Вдоль южной и северной стены ставились сосуды с кальцинированными костями, в данном сооружении было зафиксировано около 5 – 6 погребений с обрядом трупосожжения и помещением кальцинированных костей в сосуд (*Третьяков, 1941, с 60*). П.Н. Третьяков относил Березняковское городище к балтским древностям Верхнего Поднепровья.

Аналогичное строение было зафиксировано и под Звенигородом на городище дьяковского типа, однако здесь домик был меньше и представлял из

себя полуземляночное сооружение, в то время как Березняковский домик мертвых был наземным (Винников, 1984, с 162).

Влияние балтской традиции на погребальный обряд Донский и Верхнеокских славян указывал и В.В. Седов (Седов, 1973, 10 – 16). А.З. Винников так же не отрицает балтское влияние на сооружение камер и считает их результатом более поздней эволюции погребального обряда, которые возникли в результате тесных контактов с балтскими и финскими племенами (Винников, 1984, с 164). С этой точкой зрения согласен и А.В. Григорьев (Григорьев, 2010, с 369). По-моему мнению, нельзя с полной уверенностью говорить о балто-финской традиции, так как полностью аналогичных погребений ни у балтов, ни у финнов не известны, к тому же «домики мертвых» конструктивно отличаются от погребальных камер тем, что они имеют срубную конструкцию, в то время как камеры на Дону имеют более удлиненную форму, похожую скорее на гробовище; и не являются подкурганными строениями, поэтому возможно, погребальные конструкции на Дону и на Верхней Оке стали результатом самостоятельного развития в погребальной традиции, а связи с балто-финнами могли послужить укреплению данного обряда захоронения, так как имеют единый сакральный смысл. Что касается столбовых оградок, то их тоже не следует связывать только лишь с балтской традицией, как отмечал П.Н. Третьяков (Третьяков, 1981). Кольцевые оградки были распространены на значительной территории Восточной Европы, а не только у вятичей (Седов, 1973, с 15). Так, они известны и на правобережье Днепра, и у финнов (Винников, 1984, с 166). Однако на Дону и Верхней Оке деревянные конструкции имеют более совершенный вид и вероятно конечный этап эволюции данных сооружений.

ГЛАВА 3. Керамический материал из могильников

Детальное изучение керамики, изучение местоположение сосудов, их количество и качество позволяет раскрыть различные стороны погребального обряда, которые могут указывать на этнические особенности. Керамика донских славян делится на лепную и гончарную, а также керамику со следами правки на гончарном круге. Данная посуда разнообразна как по форме, так и по технологии изготовления. Типология керамических изделий донских славян разработана А.З. Винниковым (*Винников. 1982. с 165 – 181*).

Большинство сосудов Боршевского могильника относятся к 4 типу, согласно типологии А.З. Винникова, и составляют 32% (курганы 1-3, 12, 16, 18-21, 24) от всего керамического материала (*Рис. 14, 15*). Тип характеризуется приземистостью, глубокой выделкой, небрежно обработанной поверхностью, темно-серого или светло-коричного цвета. Орнаментация представлена в виде пальцевых вдавлений и защипов по верху венчика. К 6 типу относится 18% сосудов (курганы 3, 4 – ГАИМК; 1, 4, 6, 12, 20, 23 – ВГУ). Эти сосуды по форме схожи с 4 типом, однако имеют более удлиненную пропорцию. Орнаментация присутствует на всех сосудах по венчику в виде пальцевых вдавлений или насечкой. Следующим по количеству сосудов выделяют 5 тип, который составляет 12% от общего числа сосудов (курганы 2 – Спицын, 2 – ГАИМК, 1, 2, 7, 14 – ВГУ). К рассматриваемому типу относятся конусовидные горшки с удлиненными пропорциями. Еще три горшка яйцевидной формы со слегка отогнутой наружу шейкой относятся к 8 типу (курганы 3, 6, 8, 23). Такая форма характерна для лепной керамики салтово-маяцкой культуры, однако характер теста и технология изготовления свидетельствует о том, что эти сосуды были изготовлены на месте. Два сосуда принадлежат к 7 типу (курган 2 – ГАИМК), для которых характерны грубая, плохо обработанная поверхность, небольшой размер, приземистая форма и наличие сравнительно высокого венчика. Так же в кургане 1 (ВГУ) присутствовал удлиненный горшок со слабо выраженными плечиками и короткой шейкой (2 тип). Один шаровидный горшок из кургана

22 относится к 9 типу – сосуд салтовской формы, но сделан по славянской технологии. Так же есть и банкообразные сосуды, относимые А.З. Винниковым к 10 типу. Такой тип сосудов нигде более не встречается на Дону и характерен в основном для кривических длинных курганов (Седов, 1970... с 100). Помимо всего выше перечисленного, в курганах 1, 4 (ГАИМК) и 4 (ВГУ) были зафиксированы импортная посуда в виде кувшинов (Винников, 1984, 130). В итоге в 12 курганах встречена только славянская керамика. В двух курганах – славяно-салтовская. Так же в двух курганах обнаружена и мордовская посуда в виде биконического и чашевидного сосуда, свойственных для Ярославских могильников. В единичном экземпляре обнаружен сосуд славяно-салтовского облика вместе со славянской керамикой. Однако в двух других курганах зафиксированы только горшки славяно-салтовского типа. Курганов чисто с кочевнической или мордовской посудой нет. Это говорит о стабильности погребального обряда на Боршевском могильнике.

В могильниках на р. Воронеж горшки представлены 4 – 6 типами, кроме того встречаются в большом количестве сосуды, условно относимые к 7 – 9 типам, так как они существенно отличаются от славянской донской керамики. Сосуды 4 типа неравномерно распределены по могильникам, наибольшее их количество приходится на II Белогорский могильник – 59%, наименьшее на I Белогорский могильник – 17,6%. Горшки 5 типа встречены только на Лысогорском (курганы 12, 13, 16, 17, 19, 20, 23, 25) и II Белогорском могильниках (курганы 21, 49). Горшков 6 типа встречено всего пять: два на I Белогорском (курганы 8, 9) и три на II Белогорском могильниках (курганы 4, 14, 17). Следует отметить, что все сосуды выполнены очень грубо и только сосуды из II Белогорского могильника имеют орнамент по венчику. Выделяется сосуд из кургана 14, который имеет кирпичную окраску, сильную обожженность, с потресканной поверхностью, но главное его отличие от остальных горшков данного типа выражается наличием ручки в верхней части.

Подобный тип сосуда имеет аналогии в кочевнической посуде, в частности в посуде из Саркела-Белой Вежи (*Плетнева, 1959, с 240*).

7 тип сосудов встречен только на II Белогорском могильнике (курганы 12, 16, 19, 20, 22, 25, 28, 33, 41, 57). Данные сосуды изготовлены без гончарного круга из плотного теста с примесью из мелкого песка. На некоторых сосудах наблюдается незначительные признаки лощения. Орнамент имеется только на 2 сосудах: на одном из них (курган 25) – беспорядочные вдавления веревочного штампа, на другом (курган 33) – пальцевые вдавления. Горшки данного типа отличаются относительно малыми пропорциями от подобных же сосудов с поселений. Вероятно, эти горшки изготавливали специально для погребений (*Винников, 1984, 132*).

Только на II Белогорском могильнике зафиксированы сосуды 8 типа – округлобокие сосуды удлиненных пропорций с яйцевидным туловом. Данная форма не характерна для славянской керамики и относится к влиянию салтово-маяцкой культуры. К этому же влиянию относится и сосуд из кургана 90 II Белогорского могильника – горшок с шаровидным туловом и короткой прямой шейкой, с примесью мелкого песка. Местами имеется лощение, поверхность имеет хорошую заглаженность и окрашена в кирпичный цвет. Подобный же горшок был обнаружен и в Лысогорском могильнике, однако орнаментация в виде широкой волнистой линии не свойственна салтовской (*Винников, 1984, 132*).

На II Белогорском могильнике зафиксированы лепные кувшины, которые были изготовлены без правки на гончарном круге и имеют поверхность кирпичного цвета. Нижняя часть имеет коническую форму горшка славянского типа (тип 4), к которой прилеплено или прямое высокое (курган 35), или высокое плавное отгибающееся наружу горло (курган 36, 42, 55, 57), при этом тулово кувшина салтовского типа или яйцевидное, или шаровидное. Два кувшина (курганы 42, 55) имеют по два ушка у горла, что встречается на салтовских кувшинах. По мнению С.А. Плетневой, ушки имели

ритуальное значение и символизировали голову животного (*Плетнева, 1962, с 87*). Однако салтовская керамика этого типа имеет орнаментацию и растительную примесь, чего не наблюдается в белогорских сосудах. На II Белогорском могильнике найдены два сосуда, которые являются имитацией салтовских кружек. Это небольшие сосуды с низким коническим туловом и высоким горлом (*Винников, 1984, с 136*).

На Воронежских могильниках обнаружена целая серия гончарной керамики салтово-маяцкого типа. Данная керамика составляет 18,6% всего керамического комплекса исследуемых могильников. Более всего ее найдено на I Белогорском могильнике – 56,8%, на Лысогорском могильнике 23,3%, и на II Белогорском – 8%. Салтовская керамика представлена значительной коллекцией кувшинов (14 экз), горшков (5 экз.), кружками (2 экз.) и одной вазой-светильником.

Так же здесь выделяют и «волынцевские» горшки, которые по своей форме близки к салтовским – высокая вертикальная или слегка отклоненная шейка и лощение поверхностей сосудов (*Винников, 1984, с 141*). Среди них выделяют и горшки-корчаги, которые по мнению С.А. Плетневой редко встречаются в салтово-маяцкой культуре и являются результатом взаимных контактов славян и салтовцев (*Плетнева, 1962, 90*). С ней согласен и А.З. Винников, который отметил, что по форме эта посуда принадлежит к славянской, а по технологии изготовления и орнаментации – к салтовской (*Винников, 1984, с 142*).

Рассмотренная керамика из могильников на р. Воронеж далеко не идентична. Самая многочисленная группа лепной посуды имеет довольно разнообразные формы, которые можно этнически интерпретировать. Славянская (боршевская) керамика имеет аналогии с керамикой славянских донских поселений, однако имеет и ряд отличий – значительно меньшие размеры, ассиметричные формы и несколько худшее качество (обжиг, тесто, примеси). Сосуды 7 – 9 типов имеют ряд особенностей, которые указывают на

влияние салтово-маяцкого керамического производства: яйцевидность или шаровидность форм, орнаментация, примесь песка. В результате контактов славян и салтовцев, известны и лепные сосуды, которые также выражают влияние салтово-маяцкой культуры. В погребениях встречается и чисто салтовский керамический комплекс, который, вероятнее всего оставило кочевое население проживавшее на р. Воронеж.

Для каждой из групп погребений удастся наметить соответствующий керамический материал. Так, например, к погребениям I типа относятся все виды посуды, однако в подавляющем большинстве была выявлена славянская лепная керамика. Славянские сосуды 4 – 6 типов встречаются вместе с 7 – 8 типами на II Белогорском, однако в некоторых курганах присутствуют только 7 – 8 типы (курганы 12, 16, 20, 41, 43, 50) и наоборот (3, 4, 21, 32, 35). Чисто салтово-маяцкая керамика в основном была зафиксирована без сосудов славянского типа или салтово-славянского, за исключением кургана 5 – I Белогорского могильника и кургана 17, 20 – Лысогорского. Таким образом, для курганов I группы, можно выделить устойчивые подгруппы на основании керамического материала: 1) курганы со славянской керамикой; 2) курганы с керамикой смешанного типа (славяно-салтовского); 3) со славянской и славяно-салтовской; 4) курганы только с салтовской керамикой.

В курганах II типа – с деревянными конструкциями, не прослежено какой-либо устойчивой закономерности в керамическом материале – здесь наблюдается смешение всех типов сосудов. Такая же картина наблюдается и в 3 группе курганов – трупосожжение на месте. В 4 группе курганов – трупосожжение в деревянных сооружениях, встречены сосуды только 7 и 8 типов. Славянской или салтовской посуды здесь зафиксировано не было. В 5 группе курганов со вторичным обжигом костей на месте погребения, славянская посуда найдена только в 3 курганах на II Белогорском могильнике. В одном экземпляре был обнаружен салтовский кувшин в кургане 9

Лысогорского могильника. В остальных 9 курганах данной группы погребений наблюдаются сосуды смешанного облика.

Подводя итог, можно сказать, что могильники на р. Воронеж и Боршевский могильник существенно отличаются друг от друга и по керамическому материалу. Погребальный обряд был разным не только в различных курганных могильниках, но и в одном курганном комплексе. В Боршевском могильнике преобладает славянская керамика, к салтовской посуде можно отнести лишь два сосуда импортного происхождения. Лысогорский могильник близок Боршевскому, однако на нем зафиксированы как салтовские типы сосудов, так и волынцевские. Значительно от них отличается I Белогорский могильник, где славянская керамика занимает 1/3 от общего числа сосудов на могильнике. Здесь в основном преобладает салтовская и волынцевская керамика, а на II Белогорском могильнике в преобладающем большинстве встречается смешанная керамика славяно-салтовского типа (*Рис. 16*).

Возможно, незначительная часть волынцевской керамики свидетельствует о проникновении сюда населения с Днепровского Левобережья – роменцев, которые изготавливали посуду уже на новом месте, в отрыве от своих традиционных керамических центров. В воронежских курганах выявлена посуда и салтово-маяцкого типа: кувшины, горшки, кружки и ваза-светильник. Можно предположить, что данная посуда была оставлена населением салтово-маяцкой культуры, и не являлась импортом. На это указывают наличие здесь салтовских поселений, например, городище Бела Гора, Битицкое или городище Саркел, в которых славяне и кочевники мирно сосуществовали (*Москаленко, 1981, с 140*). Салтовская посуда, вероятно, попала в погребения после длительного использования, на что указывает тот факт, что она была в значительной степени бытой. Смешанная славяно-салтовская посуда свидетельствует о перенимании керамической традиции двух этносов. По своему керамическому содержанию, к алано-болгарскому

населению, в значительной степени может принадлежать I Белогорский могильник, в котором преобладающий процент занимает салтовская и волынцевская керамика. К тому же данный могильник очень близко примыкает к Белогорскому городищу, что не характерно для славянской традиции. В виду этих данных, встает вопрос: в каких же отношениях находились славяне с алано-болгарским миром?

ГЛАВА 4. Поселения Донских славян

Для освещения вопроса о социально-экономической жизни донских славян, для реконструкции уровня и образа их жизни, необходимо синтезировать разноплановые сведения о поселенческих памятниках рассматриваемой территории в определенный период времени. Прежде всего, необходимо обобщить наработки исследователей при учете датировки существования тех или иных памятников.

В бассейне Верхнего и Среднего Дона были распространены городища и неукрепленные поселения. Впервые их классификация была предложена И.И. Ляпушкиным, который делил городища на два основных типа: раннеславянские поселения роменско-боршевского типа (VIII – X вв.) и поселения позднего периода – X – XIII вв. Исследователь отмечал что на некоторых городищах четкую хронологическую границу провести невозможно. Некоторые городища были сооружены на местах городищ раннего железного века (*Ляпушкин, 1961, 215*). Для поселений первого типа характерно то, что они располагались в местах естественной малодоступности (на высоких берегах рек, среди болот и непроходимых лесах и т.д.). Как правило, естественные укрепления были дополнительно усилены защищены искусственными укреплениями в виде валов и рвов. Рвы играли наибольшую роль в фортификации, а валы образовывались за счет грунтовых выбросов из рвов (*Ляпушкин, 1952, 12 – 14*). Классификацию городищ И.И. Ляпушкина дополнил П.А. Раппопорт. Он также разделил городища на две группы, но к первой отнес как простые мысовые городища, так и сложномысовые, при этом также отметил наибольшую значимость рвов в защите поселений (*Раппопорт, 1982, 22 - 27*).

Наиболее полная и принятая в настоящее время классификация донских городищ была разработана А.Н. Москаленко (*Москаленко, 1981, 62 – 79*). Большинство известных городищ относится к первому типу – это городища простого мысового типа (Малое Боршевское, Шиловское, Нижний Воргол,

Устьянское и др.) (Рис. 17). Такие городища располагаются на высоком мысу берега реки и с напольной стороны защищены валом и рвом. Их размеры невелики. К примеру, площадь Шиловского городища 20x70 м². Бывают и исключения, например, площадью 50x140 м² (Нижний Воргол). На Малом Боршевском городище вал, высотой 2 м, был сооружен на слое погребенной почвы на поверхности которой имелась небольшая зольная прослойка. Сам вал содержал в себе частично обгоревшую деревянную конструкцию в виде срубов длиной около 2 м по лицевой стенке, которые строились вплотную друг к другу. Перед валом был зафиксирован неглубокий ров (0,7 м) и шириной 4,5 м. В заполнении рва и насыпи вала обнаружена керамика бронзового века и боршевского типа (Рис. 18).

На Воргольском городище можно проследить как минимум три периода строительства вала – каждый период разделен зольной прослойкой. В первый период в основании вала, вдоль его оси, была выложена каменная кладка в два ряда с расстоянием в 2 м, также устроена деревянная конструкция. Насыпь содержала в себе исключительно керамику эпохи бронзы, поэтому ее можно датировать бронзовым веком. В слое второго периода уже встречается керамика бронзового, раннего железного веков, а также боршевского типа. Насыпь вала содержала в себе остатки деревянной конструкции в виде отдельных плах или нетолстых бревен, лежащих вдоль осевой линии вала. Данная конструкция представляла собой две стены, отстоящие друг от друга на расстоянии 0,7 м и укрепленные опорными столбами. Пространство между стенами было забутованной землей. К этому периоду относится и ров глубиной 0,55 м, шириной 1,5 м. Третий период фортификации относится уже к позднему времени – XIII – XIV вв – когда старая насыпь была подправлена.

Ко второму типу относятся городища, которые расположены на удлинённых мысах, а от территории плато они отделены рядом рвов или одним рвом, при этом данный тип городищ не имеет валовых укреплений. Так, к данному типу относится Большое Боршевское городище, которые было

защищено тремя рядами рвов (*Рис. 19 (1)*). Не известны данные рва, непосредственно прилегающего к площадке городища, но второй ров находился на расстоянии 3 м от первого, а его глубина составляет 1,1 м, ширина – 7 м. Третий ров отстоит от второго на расстоянии 7,7 м, и был шириной 3,4 м, глубиной 0,6 м. Как правило мыс на таких городищах эскарпировался.

К третьему типу относятся сложно-мысовые городища. К ним относятся два городища на Среднем Дону (Архангельское и Титчиха) (*Рис. 19 (2)*) и одно - на Верхнем Дону (Белогорское). На Архангельском городище был северный и южный мыс, при этом северный мыс был защищен двумя рядами валов и рвов, а южный одним таким рядом. Вал северного мыса был сложен в результате двух строительных периодов. Вал раннего периода, судя по керамике бронзового и раннего железного века, относится к эпохи раннего железного века. Его ширина 3,5 м, глубина 40 – 70 м. От верхней части насыпи вал отделен угольной прослойкой. Ко времени существования данного вала можно отнести и прилегающий ему ров шириной 3,5 м, глубиной 0,4 - 0,7 м, в заполнении которого зафиксированы остатки деревянных сооружений (бревна и плахи), лежавших вдоль рва у его северной стенки. Стоит учитывать, что рвы эпохи раннего железного века были гораздо глубже (более 2 м), к тому же они сужаются у основания, поэтому относить этот ров к времени существованию вала не представляется возможным. Поздняя часть вала отделена от раннего - зольной прослойкой. Эта часть насыпи содержит в себе обгоревшие части дерева, керамику боршевского типа, а также эпохи раннего железного века. Второй вал северного мыса конфигуративно похож на первый вал славянского периода и содержал в себе славянскую керамику и керамику раннего железного века.

Городище Титчиха имеет несколько отличий от сложно-мысового типа городищ. Так, например, второй вал был воздвигнут не на мысу, а на плато, которое в свою очередь ограничено логом. В сооружении внутреннего вала

было также два строительных периода, которым соответствовало два рва. Первому периоду строительства соответствует насыпь вала высотой до 2,5 – 2,8 м, а вдоль вала проходил ров, вырытый в мелу. В следующий период строительства перед началом работ на валу и во рве была сожжена растительность, о чем свидетельствует зольная прослойка. Вдоль вала на расстоянии 3 м друг от друга были установлены две линии разных по размеру срубов почти вплотную друг к другу. При этом, первая линия (внешняя) состояла из трехстенных срубов длиной около 2 м, шириной до 1 м, вторая (внутренняя) из четырехстенных. На отдельных участках сохранились бревна, особенно хорошая их сохранность зафиксирована во внешней линии срубов благодаря тому, что эта линия была засыпана землей до 2 м. Грунт присыпанный к внешней стенке образовывал вал, а засыпка изнутри делала конструкцию более устойчивой. От второй линии срубов лишь частично сохранились обгоревшие нижние венцы, так как эта линия не была заполнена грунтом. Вдоль рва, примыкающего к этому валу была зафиксирована часть уцелевшего частокола из массивных дубовых бревен диаметром 25 – 30 см. Внешний вал точно также состоял из двух слоев, разделенных углистой прослойкой. Общая высота вала до 0,7 м. (Рис. 20). В валу сохранились угли от срубной четырехстенной конструкции шириной 3 м, длиной 4 м. В насыпи вала встречена керамика раннего железного века и боршевского типа. В насыпи внутреннего вала сохранилась керамика боршевского типа и салтово-маяцкая, что говорит о том, что валы были воздвигнуты уже во время функционирования славянского населения на данной местности (Москаленко. 1981. 73 – 75).

Таким образом, можно сделать вывод что основную роль в укреплении на Титчихинском городище играли валы, укрепленные срубными конструкциями. Однако нельзя не отметить и значение рвов, один из которых (внутренний) был укреплен частоколом. Конечно конструкция фортификационных сооружений свидетельствует о том, что население на

Дону не было столь примитивным. Подобные конструкции были в разных древнерусских центрах – в Киеве, Белгороде, Переяславле и др., где помимо валов со срубами известны и частоколы во рвах. Легко объясняется и наличие подобных укреплений именно в этом месте славянской ойкумены – это были самые восточные районы славян, которым угрожали набеги кочевников. Следует отметить что городища на Дону идут цепью по правому берегу реки и далее в верх по р. Воронеж. Впоследствии именно в этом районе будет проходить строительство Белгородской черты от монголо-татарских завоевателей, что говорит о том, что дороги на Русь проторенные кочевниками еще долгое время оставались прежними.

Что касается устройства жилищ, то жилища были исследованы практически на всех рассматриваемых городищах на Среднем (Титчиха) и Верхнем Дону (Малое и Большое Большевикское городище, Кузнецовское, Животинное городище). От жилищ сохранились котлованы площадью 10 – 28 м². В полу котлованов прослеживаются столбовые ямки, остатки обожженного дерева, почти в каждом доме зафиксированы остатки печей или очагов. Первые раскопки городищ на Дону проведенные в 1920 – 1930-х гг., поставили перед исследователями ряд принципиальных вопросов, касающихся характера жилых построек донских славян. Поднимался вопрос о расположении жилищ относительно друг друга – соединяются ли отдельные постройки с помощью переходов друг с другом или они представляют собой отдельные дома, то есть ставился концептуальный вопрос о наличии у славян родового социального устройства (*Ефименко, Третьяков? 1948*). Исследователи пришли к положительному выводу, однако данный тезис опровергли И.И. Ляпушкин (*Ляпушкин, 1957, 13*) и Москаленко (*Москаленко, 1981, 94 – 96*), указавшие на то, что там, где выявляется ряд построек, примыкающих друг к другу или накладывающийся котлованами друг на друга, речь должна идти об их одновременности и о наличии определенной стратиграфии и планиграфии.

Жилые постройки характеризуются однокамерными конструкциями квадратной или прямоугольной формы. Для жилищ славянских поселений Среднего Дона характерны столбовые (Рис. 21) и срубные (Рис. 22) конструкции, причем на городище Титчиха А.Н. Москаленко выделяет срубно-столбовые конструкции, когда сооружался сруб, а между ним и материковой стеной ставили столбы-опоры для крыши (Москаленко, 1965, 44). Но следует отметить что такая конструкция ничем не отличается от обычного срубного типа жилища. На памятниках типы жилищ распределены примерно половину на половину, лишь на Большом Боршевском городище столбовая конструкция преобладает (93%) над срубной (7%), однако это данные только лишь по 13 раскопанным жилищам.

Котлованы построек обоих типов имеют различную глубину, на Большом Боршевском Городище котлованы срубных построек с одной из сторон имеют углубление до 1 м, а с другой – значительно меньшую глубину. Может быть и прав А.З. Винников, объясняя это тем, что такая разница определяется расположением жилищ на склонах, однако исследователь отмечает что наблюдается определенная тенденция к меньшей заглубленности срубных построек (Винников, 1995, 21). В связи с этим есть вероятность полагать что котлованы с малой углубленностью не относятся к жилищам полуземляночного типа, а являются остатками наземных жилищ с углубленным полом.

Значительное внимание исследователи донских славян уделяют устройству печей на поселениях. Так, А.Н. Москаленко на городище Титчиха выделяет 4 типа печей: из камня; из глины; из камня и глины; печи при сложении которых использован материковый останец; а на Большом Боршевском городище исследователь выделила и пятый тип – печи, сооруженные полностью из материкового останца (Москаленко, 1981, 80). При этом наиболее распространенным типом печей являются печи-каменки. Так, этот тип преобладает на Большом Боршевском городище и на Кузнецовском,

однако на г. Титчиха преобладающим типом являются печи из мелкого камня и глины (75%), а печи-каменки составляют лишь 25%, только в двух постройках частично использован меловой материк. Однако, существуют некоторые различия при строительстве печей. Так, например, в одних случаях на меловом материковом полу сооружалось основание подковообразной формы, а выше надстраивалась печь из камня или глины и камня; в других – печь сооружалась прямо на материковом полу – такой тип сооружения был наиболее частым. Были и варианты, когда печь строилась на глиняной площадке (*Москаленко, 1981, 88 – 89*). Таким образом, можно полагать что имеющиеся конструктивные различия при постройке печи отражают лишь определенные семейные традиции и навыки или способы использования условий местности, наличие того или иного материала у конкретной семьи.

Можно отметить, что нет никакой закономерности между типами печей и типами жилых построек, только лишь на Малом Боршевском городище, где в равной степени были распространены печи-каменки и печи с глиняной обмазкой, в срубных постройках сооружались только печи-каменки.

Что касается внутренней планировки жилищ, то печи как правило располагались в северной части и в южной (Титчиха 40% и 31% соответственно; Больше Боршевское городище 66,4% и 33,6%; Малое Боршевское 37,5% и 37,5%) и лишь незначительный процент – в восточной или западной части жилища. Эти данные можно лишь связать со спецификой расположения жилища на местности. Так, например, прослеживается тенденция, когда постройки, ориентированные углами по сторонам света имеют отопительное сооружение преимущественно в северной части или в южной, однако нет никакой стабильной связи в ориентировки печи от типом строения жилища. На городище Титчиха из 16 жилищ столбовой конструкции, только в одном печь находится в северной части, но в то же время на Большом Боршевском городище в домах столбовой конструкции печи преимущественно находятся в северной части жилища. Однако необходимо

отметить устойчивую тенденцию, что все печи имеют правостороннее расположение относительно входа, а также устье печи четко ориентировано на вход. Данная закономерность является архаичной и характерна для юго-восточных славян VIII – X вв.

Итак, исходя из выше изложенного, можно сделать вывод что поселенческие памятники донских славян представлены в основном сельской культурой, при этом городища выступали не в качестве городских центров, а в качестве места укрытия населения с примыкающих к ним селищ. Рассмотренные городища представляли собой цепь таких укреплений по правому берегу Дона и очевидно служили в качестве оборонительных пунктов на пути кочевников. Конечно, из общего ряда выбивается городище Титчиха, которое отличается от остальных городищ большей площадью и сложным строением укреплений, характерных для таких славянских центров, как Киев, Белгород и др. А характер построек как на городище, так и на селищах может свидетельствовать о том, что славяне здесь перешли на стадию разложения родового строя и начинают жить обособленно, семьями, употребляя свои индивидуальные традиции при сооружении жилых построек и отопительных конструкций. Конечно нельзя не отметить тот факт, что в целом структура поселений и домовых строений мало чем отличается от традиций восточных славян Правобережья Днепра, однако на Дону наблюдается включение элементов салтово-маяцкого населения, что естественно обусловлено пограничным положением. В этой связи немаловажную роль в жизни славян играет Донской торговый путь, который был связующим звеном в Великом Шёлковом пути на Волжско-Каспийском направлении.

ГЛАВА 5. Донские славяне и население салтово-маяцкой культуры

Как известно, донские славяне занимали периферийное положение в восточнославянском мире и граничили с юга с салтово-маяцкой культурой – северо-западными районами Хазарского каганата, что послужило образованию самых тесных отношений с данной общностью. Проблема контактов славян с алано-болгарским миром не является новой. Ей посвящено значительное число статей и монографий, однако необходимо выделить две базовые работы по этому вопросу, среди них статья С.А. Плетневой (*Плетнева, 1962*) и статья Д.Т. Березовца (*Березовец, 1965*).

С.А. Плетнева пишет, что влияние славян очень сильно сказалось на северо-западную периферию Хазарского каганата, и от близости славян зависело некоторое своеобразие салтово-маяцкой культуры, которое выразилось в: появлении укрепленных городищ, появлении жилищ-полуземлянок, в качестве фортификации – подрезка склона мыса, появление лепной керамики с шамотом, а также сооружения в некоторых салтовских жилищах печей. Автор отмечает и обратный процесс влияния, который проявился прежде всего в приобретении многих салтовских вещей ремесленного производства: мотыжки, украшения и оружия, которые попадали к славянам в результате развитой торговли. В этой же статье автор, дает объяснение появлению на славянских поселениях выходцев с салтово-маяцкой культуры – набеги печенегов в начале X в. (*Плетнева, 1962, с 83 – 95*). Однако следует сказать, что все данные были получены с материалов Северского Донца и роменских памятников Днепровского Левобережья. Итак, видно что славяне и салтовцы оказывали взаимное влияние друг на друга, прежде всего в материальном отношении.

Отличную точку зрения выразил Д.Т. Березовец, который указал на существенные различия в социально-экономическом и этническом отношении

двух этих культур. Также исследователь указал на экономическую зависимость славянского населения от Хазарского каганата, обосновав это тем, что в глубине славянской территории существовали административные центры по сбору дани, таким центром, по его мнению, являлось Битицкое городище. Также автор отрицал какие-либо культурные связи и взаимовлияния, смешения славян и алано-болгар в районе Среднего Поднепровья, однако исследователь указывает, что в разных районах процессы взаимовлияния протекали по-разному (*Березовец, 1965, с 47 – 67*). Таким образом, все же факт взаимовлияния не оспаривается. В этом направлении шло изучение данной темы А.Н. Москаленко, которая отмечала наличие салтово-маяцкой керамики на Титчихинском городище, присутствие салтово-маяцкого населения на городище, исследователь объясняла семейно-брачными отношениями (*Москаленко, 1965, с 158 - 162*). В другой своей работе, А.Н. Москаленко приводит данные о наличии керамики салтово-маяцкой культуры на поселениях донских славян, обращает внимание на многочисленные находки в бассейне Дона, которые принадлежали алано-болгарским мастерам: украшения из бронзы, стекла и амулетов, однако главным образом эти украшения были найдены только на Воронежских поселениях, так, например, на Белогорском городище был найден перстень со стеклянной жуковиной, закрепленной крестообразно расположенными лапками. Подобные перстни имеют аналогии на памятниках салтово-маяцкой культуры. Исследователь сделала вывод, что можно говорить о добрососедских отношениях славян с алано-болгарами (*Москаленко, 1981, с 139*). Тем самым тезис об активном взаимовлиянии подкрепляется новыми данными.

А.З. Винников в своей обобщающей монографии соглашается с тезисом Д.Т. Березовца об экономической зависимости славянского населения на Дону от Хазарского каганата, однако, по его мнению, это не исключало наличие торговых отношений и взаимного обогащения между двумя этносами, а также

их совместного проживания в определённый период времени (*Винников, 1995, с 148*). О том какую дань платили славяне хазарам, сообщает Повесть временных лет: «а Козаре имахуть на Полянехъ, и на Сѣверехъ, и на Вятичихъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ тако отъ дыма» (*ПВЛ, 1996, с 32*), что означает что славяне платили дань пушниной не с личности, а с «дыма» – с дома одной семьи.

Можно сказать, что в последнее время у археологов не наблюдается единства в вопросе взаимоотношения славянского населения с алано-болгарами. Исследователи разделились на два лагеря: одни, во главе с А.А. Тортикой утверждают, что у славян и алано-болгар не было паритетных отношений, так как у них были различные социально-экономические уровни жизни (*Тортика, 2002, с 144*); в то время как другие исследователи, во главе с А.З. Винниковым, такую мысль отрицают (*Винников, 1995*).

Наиболее убедительными выглядят доводы А.З. Винникова, который утверждает, что возложение дани на славянские племена в середине VIII в. является лишь определенной формой экономической зависимости и не означает подчинение славян Хазарам. К тому же факт экономической зависимости славян, говорит о том, что славяне имели достаточно уравновешенное экономическое положение, однако политическое и социальное положение не находилось в том состоянии, при котором, славянское население могло бы дать отпор хазарам (*Винников, 2010, с 195*). С этими доводами согласен и В.В. Григорьев, который утверждает, что дань была в форме фиксированного налога и выражалась в выручке с продажи товара (*Григорьев, 2000, с 183*). Однако, по мнению В.В. Григорьева часть Днепровского Левобережья, занимаемая северянами, входила в состав Хазарского каганата в VIII – начале IX вв и власть на этих землях осуществлял наместник – тудун, со своим отрядом. К такому политическому центру исследователь причисляет Битицкое городище, в котором наблюдается присутствие салтово-маяцкого населения (*Григорьев, 2000, с 175 – 176*). Таким

административным центром Хазарского каганата в славянской глубинке было и городище Спруты в бассейне Оки, которое отличалось своим высоким уровнем экономического развития. По мнению исследователя, данное городище было центром торговли и местом сбора дани со славянского населения, и данная территория входила во владения Хазарского каганата (*Григорьев, 2005, с 167 – 169*). Однако, данные утверждения являются спорными, так как никаких письменных сведений, о том, что эти территории входили в состав Хазарского царства нет, но несомненно данные городища были политическими центрами, которые могли быть и местом сбора дани.

Вероятно, подобные центры были и в Лесостепном Подонье, так например, на I Белогорском городище можно выделить две группы полуземлянок: 1) полуземлянки с обычными славянскими печами, сложенными из камней и глины; полуземлянки с очагами, обложенными камнями; к этой группе относят 4 постройки, на трех из них по одному очагу, в одной – 3 очага, которые находились на полу в центре жилища и были углублены на 0,05 м. (*Винников, 1990, с 130*). По мнению Плетневой, подобные жилища с очагами присущи салтово-маяцкому населению, которое несмотря на славянское влияние домостроительства, сохраняло очаг в доме (*Плетнева, 1962, с 91*). Очаг – это открытый источник огня, который отвечал специфике салтовцев, так как они готовили пищу в котле над огнем, а у славян были, напротив, распространены печи, в которых приготовление еды совершалось в горшках. По мимо этого, на полу этих землянок был зафиксирован керамический материал, как гончарный, так и лепной, который присущ салтово-маяцкому облику. Таким образом, можно уверенно говорить о сосуществовании двух этносов на одном городище, что подтверждает и I Белогорский могильник, который отличается от остальных Воронежских могильников, тем что, курганы могильника вплотную примыкают к городищу, формы насыпей имеют гораздо плоский вид; и в 6 из 12 погребений встречена чисто салтово-маяцкая посуда, чего не наблюдается на всех остальных

могильниках. Следует отметить, что рассматриваемые памятники находятся в глубине территории донских славян, а не в пограничной зоне. Так же примечателен и тот факт, что переселенцы не принесли с собой ничего нового в погребальный обряд, вероятно они переняли традиции трупосожжения у славян, так как и донским славянам и алано-болгарам свойственен культ огня. Подобного сосуществования двух этносов не наблюдается больше нигде на памятниках на р. Воронеж, поэтому говорить о какой-то значительной волне переселенцев в эту область не представляется возможным.

Как известно, основные торговые пути пролегали по бассейну Днепра и Дона. Волга и Дон были главными связующими звеньями в Великом Восточном пути. От верховьев Дона дороги вели в бассейн Оки, таким образом этот путь был подконтрольным Хазарам, которые взимали дань, распространив свое влияние на территории Днепровского бассейна по Сейму и Десне, и на верховья Оки (*Лентьев, Носов, 2010, с 386*). Восточный путь проходил с Волги на Оку и далее с переходом на Десну, шел в киевское Поднепровье. Данный путь прослеживается и археологически – наличием восточных монет на территории Окского бассейна, главным образом на Верхней и Средней Оке (*Леонтьев, Носов, 2010, с 395*).

Основным традиционным импортом у славян были украшения, прежде всего стеклянные бусы, изделия из бронзы и серебра (кольца, перстни, пуговицы и др). Однако о масштабах торговли донских славян с алано-болгарами, судить с полной уверенностью нельзя, так как предметы импорта на поселениях встречаются в малом количестве. По мнению, А.З. Винникова, это связано с тем, что славяне оставляли свои жилища в относительно спокойной обстановке, поэтому ценные вещи забирали с собой (*Винников, 2010, с 202*). Предметом импорта выступала и посуда, к коей относятся тарная керамика: амфоры, пифосы, большие кувшины, обнаруженные в значительном количестве на городище Титчиха (*Москаленко, 1965, с 26*). Однако на памятниках на р. Воронеж такая керамика встречается в единичных

случаях. В любом случае, наличие ее на славянских памятниках свидетельствует о том, что в ней перевозили какие-то продукты потребления, которые главным образом шли откуда-то с юга: Крым, Средняя Азия, поэтому возможно алано-болгарское население было посредниками этой торговли (Винников, 1995, с 78).

Донские славяне не только сами торговали с Востоком, но их территория являлась перевалочной базой, через которую с Востока шли импортные товары в глубину Восточной Европы. О широкой торговле с Восточными соседями свидетельствуют многочисленные находки кладов, которые подробно описаны в работе А.Н. Москаленко (Москаленко, 1981, с 103 - 105). Так, с 1939 года известен Девицкий клад, который был обнаружен в 15 км от самого южного славянского городища на Дону – Титчихского городища. Клад состоял из 299 целых и 24 обломанных серебряных куфических монет, наряду с которыми также были зафиксированы серебряный перстень с сердоликовой вставкой и несколько серебряных украшений от поясного набора. Самые поздние монеты – аббасидские дирхемы аль-Мутасимы, которые датируются 837 – 838 гг. Однако, среди данных монет 89 экземпляров являются подражаниями и вероятнее всего были сделаны Хазарскими мастерами. (Москаленко, 1981, с 103).

Арабские монеты обнаружены были и непосредственно на самом городище Титчиха. Так в полуземлянке 16, был обнаружен клад из 22 монеты, датируемые главным образом первой четвертью X века – 922 – 923 гг. 8 монет были обнаружены в качестве индивидуальных находок, при этом ряд монет использовались в качестве подвесок, о чем свидетельствуют сквозные отверстия на дирхемах, датируются эти монеты тем же временем (Москаленко, 1965, 188).

В 1966 г клад монет был обнаружен на Малом Боршевском городище, который находился на приступке-лавочке. Клад состоял из 98 целых и 8 обломанных монет, однако из всех монет только 14 являются подлинными, а

остальные 92 – Хазарскими подражаниями. Клад был зарыт не позднее X века, поскольку монеты датированы 892 – 923 гг. (*Москаленко, 1981, с 103*). Следует подчеркнуть, что в этой же полуземлянке были обнаружены фрагменты красноглиняной амфоры и импортная стеклянная бусина (*Винников, 2010, с 204*).

Четвертый клад, который был найден в Острожском уезде, оказался утерян, однако известно, что основу клада составляли арабские монеты и весил он порядка 1,25 кг. (*Москаленко, 1981, с 104*).

На донских поселениях обнаружены и отдельные находки арабских монет, но все они не многочисленны и в большинстве случаев также являются хазарскими подражаниями. Так, 3 монеты обнаружены в с. Борщево Воронежской области: одна монета является подражанием и датируется первой половиной X века, две другие датированы серединой IX века и началом X в. (*Москаленко, 1981, с 104*).

Следует отметить, что кладов на р. Воронеж нет, однако встречаются индивидуальные находки монет. Так, на Кузнецовском городище был обнаружен один дирхем (*Москаленко, 1981, с 104*). Еще один дирхем был зафиксирован в кургане 27 II Белогорского могильника (*Винников, 1984, с 87*). Вероятно, эти случайные находки не могут говорить о торговых операциях данного региона с востоком.

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что монетные находки встречены по Верхнему и Среднему течению Дона (Малое Боршевское, Титчиха). На этом основании можно сделать заключение, что донские славяне не остались в стороне от торговли с востоком, напротив, играли связующую роль и выступали посредниками в торговых операциях востока со славянскими землями. Монеты-подражания, свидетельствуют скорее всего, о том, что Хазарский каганат широко вводил их в оборот и использовал в торговых отношениях со славянами. О взаимных контактах говорит и

керамический славяно-салтовский комплекс, обнаруженный на ряде памятниках Лесостепного Дона. Все эти данные позволяют говорить о том, два этноса вели между собой торговые операции достаточно на высоком уровне, в таком случае прав А.З. Винников, утверждая, что отношение алано-болгар со славянами заключались не в рабско-даннических отношениях, а в большей степени во взаимных социально-экономических связях (*Винников, 1995, с 72*).

Вопрос хронологии в настоящий момент не является дискуссионным. Известно, что общепризнанной хронологией является VIII – X вв. (*Ефименко, Третьяков, 1948, с 8*), однако долгое время существовали разногласия по поводу того, когда прекратилась жизнь на поселениях и были ли они заселены до начала X века или в течении всего этого века. Накопленные материалы исследования во второй половине XX века, позволили уточнить датировку. Так, рассмотренные выше нумизматические данные позволяют с полным основанием утверждать, что эти памятники просуществовали вплоть до второй половины X века. Нельзя не согласится с мнением А.Н. Москаленко о том, что нужно учитывать определенное запаздывание монет с территорий на которых они были изготовлены, тогда получается, что славянские поселения здесь были до конца X в. (*Москаленко, 1981, с 105*).

Итак, как говорилось выше, на р. Воронеж проживало главным образом славянское население, однако и наблюдается появление салтово-маяцкого населения, о чем свидетельствует салтовская керамика и жилища салтовского типа с I Белогорского городища. Наличие большого количества кухонной салтовской керамики и жилищ нельзя объяснить только лишь брачными союзами или торговыми отношениями, так как нет достаточного материала для этого обоснования. Все это дает основание утверждать о длительном проживании здесь двух этносов. В этой связи, данному факту наиболее правдоподобное объяснение, дала А.С. Плетнева, которая склонна была считать, что появление на р. Воронеж часть салтовского населения в начале X в. из-за угрозы разгрома печенегами, поэтому салтовцы были вынуждены

двигаться на север, где они мирно сосуществовали с племенами Роменско-Боршевской культуры (*Плетнева, 1962, с 91*).

Как известно, с конца IX века, начинаются многочисленные походы киевских князей против славянских племен к востоку от Днепровского Левобережья. Так, летопись сообщает под 884 г, что «Иде Олег на северяне, и победи северяны», возложил на них дань легкую и запретил платить дань хазарам. В 885 году Олег подчиняет радимичей и на этом походы на восточные славянские племена прерываются вплоть до 964 г. (*ПВЛ, 1996, с 14*). Часть славян после разгрома осталась на своей земле и дальше трансформировалась в древнерусскую народность, однако какая-то группа ушла в Подонье, о чем и свидетельствует появление на могильниках элементов роменского обряда погребения.

Аналогичный процесс происходил и в племени вятичей, когда в 964 г активность киевский князей возобновляется с новой силой. В этот год Святослав отправился на Волгу и Оку, а в 965 г им были завоеваны ясы и касоги, а также была завоевана крепость Белая Вежа, а в 966 г Святослав обложил данью и вятичей (*ПВЛ, 1996, с 31*). Во второй половине X века, на р. Воронеж появились отдельные группы славян со среднего Дона, вынужденных продвигаться на север из-за опустошительных набегов печенегов.

Заключение

Изучение историографии по погребальным памятникам донских славян позволило выявить некоторые особенности погребального ритуала Лесостепного Подонья. На Среднем Дону характерны, в первую очередь, деревянные погребальные сооружения (камеры и оградки), которые имеют широкое распространение на этой территории и в какой-то мере оставались неизменны. Погребальным памятникам по р. Воронеж характерен целый ряд различий погребального ритуала. Вероятно, это связано с этнической историей этих двух районов. На территории Среднего Дона шел процесс миграции части населения с бассейна Верхней Оки, где, как известно, обитали вятичи, имеющие черты устойчивого погребального обряда. Об этом свидетельствует та схожесть, которая существует между Боршевским могильником и Вехнеокскими, а именно схожесть в традиции сооружений деревянных погребальных конструкций. Подобные конструкции распространены по всей Восточной Европе, но все они различаются конструктивно от донских. Благодаря археологическим исследованиям, на сегодняшний день мы можем абсолютно точно представлять себе всю общую картину деревянных конструкций и их взаимосвязь. Это были своеобразные культовые сооружения, состоящие из камер, более чем на половину присыпанных земляной насыпью, окруженных столбовой оградкой, выполнявшей как конструктивную роль (блокирование насыпи от рассыпания), так и культовую. Вся конструкция опоясывалась прикуржанным ровиком, в котором горели ритуальные костры. Необходимо выделять локальные варианты памятников донских славян: на Среднем Дону на р. Воронеж, которые разделяются в первую очередь по традиции погребального обряда. Так, для Среднего Дона (Боршевский могильник) характерен неизменный обряд погребения, выразившийся в обязательном наличии погребальных деревянных конструкций в кургане. В могильниках на р. Воронеж, напротив, существовала вариативность погребального обряда.

Вероятно, что эти отличия связаны с этнической историей этих районов. Воронежские памятники оставили выходцы с Днепровского Правобережья на рубеже VIII – IX вв, о чем свидетельствует керамический комплекс. Наличие волынцевской керамики в захоронениях, свидетельствует также о выходцах и Днепровского Левобережья. Незначительное наличие подкурганых деревянных погребальных камер на р. Воронеж, немного отличных от Боршевских, являются вырождающимся погребальным обрядом Среднего Дона, что свидетельствует о проникновении сюда выходцев со Среднего Дона, которые были вынуждены продвигаться на север под давлением печенегов в конце X в. А алано-болгарские следы материальной культуры могут свидетельствовать о том, что они были вынуждены двигаться на север вместе со славянами Среднего Дона, где они нашли защиту на славянских поселениях. Это дает основание полагать что часть донских славян вынуждена была продвигаться с Верхнего Дона дальше на север под давлением кочевников. Таким образом, культура Донских славян представляется разноликой и ее нельзя ни в коей мере приписывать к вятичам, поскольку здесь наблюдается симбиоз восточнославянских культур из разных районов.

Подводя итоги, можно сказать что славяне Лесостепного Подонья в конце I тысячелетия н.э. являлись неотъемлемой частью обширного восточнославянского мира, но вместе с тем, окраинное положение в славянском мире, особенности освоения славянами данного региона, а также политическая ситуация на этой территории оказали существенное влияние на состояние культуры донских славян. При общем уровне развития славян, здесь можно отметить некоторую консервативность в ряде отраслей. Так, необходимо отметить преобладание лепной керамики с веревочным орнаментом у донских славян. Деревянные подкурганые погребальные конструкции, встречающиеся на Дону и на Верхней Оке, вместе с веревочным орнаментом на керамике составляют специфику культуры среднедонской группы славян. В целом же донским славянам присущи многие черты

общеславянской материальной культуры. Поселенческие памятники, которые оставило нам население Дона, представлены преимущественно сельскими памятниками, а городища выполняли роль оборонительных центров и не являлись экономическими центрами. В целом структура поселений и характер домостроительства отличается от славян Правобережья Днепра только тем, что имеют салтово-маяцкие варианты, которые оставило окраинное население Хазарского каганата, взаимодействуя со славянским населением. Отсюда вытекают очень тесные связи с алано-болгарским миром, которые выражались в паритетных отношениях в социально-экономической сфере. Славянское население на Дону органично занимала свою нишу в торговых отношениях, являясь связующим звеном между Западом и Востоком о чем свидетельствуют многочисленные клады с восточными монетами и предметы импорта в виде амфорной посуды на городищах и предметов украшений.

Список литературы

1. Археология СССР. Восточные славяне в VII – XIII вв под ред. В.В. Седова. М.: Наука, 1982, 335 с
2. *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., РАНИОН, 1930, 223 с.
3. *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. М., «Кучково поле» 2012, 336 с.
4. *Березовец Д.Т.* Слов'яни и племена салтівської культури//Археология, Киев.: 1965, с 47 – 67.
5. *Бессарабова А.З.* Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н.э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ, №15.- Л., 1973. С. 65-82.
6. *Валукинский Н.В.* По следам древних предков. Воронеж. 1940, 54 с.
7. *Вестберг Ф.Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе//ЖМНП, 1908, февраль, с 276 – 288.
8. *Винников А.З.* Керамика донских славян конца I тысячелетия н.э.//СА №3, М.: Наука, 1982, с 165 – 180.
9. *Винников А.З.* Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.: Издательство Воронежского Университета, 1984. 192 с.
10. *Винников А.З.* Славяне Лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – нач. XI в). Воронеж.: Издательство ВГУ, 1995. 168 с.
11. *Винников А.З.* Донские славяне и алано-болгарский мир: мирное сосуществование или противостояние//Хазары: миф и история. М., Иерусалим: 2010, с 189 – 216.
12. *Винников А.З.* Юго-восточная окраина славянского мира в эпоху образования Древнерусского государства (Лесостепное Подонье в VIII – первой половине XI вв)// Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология, №2.-Воронеж.: Издательство ВГУ, 2012. С 14-20.

13. *Винников А.З., Синюк А.Т.* По дорогам минувших столетий: (Археологи о древней истории Воронежского края). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. - 318 с.
14. *Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине р.Оки// Древности. Труды Императорского Московского археологического общества, т 18. М., 1900. С 1- 37.
15. *Громова В.И.* Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа//МИА, 1948, №8, с 113 – 123.
16. *Григорьев А.В.* Северская земля по археологическим данным. Тула: Издательство «Гриф и Ко» 2000, 263 с.
17. *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э.— Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»,— 2005, 207 с.
18. *Григорьев А.В.* Население междуречья Днепра и Дона в VIII-первой половине XI в.// Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. М., 2012, с 94-127.
19. *Дубов И.В.* Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси (IX-XIII в.в.) Сборник. //Вопросы истории №5, 1990, с 15 – 27.
20. *Ефименко П.П.* Раннеславянские поселения на Среднем Дону //Сообщения ГАИМК, 1931, №2, с 5 – 9.
21. *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Древнерусские поселения на Дону//МИА СССР, №8.-Л., 1948. 127 с
22. *Изюмова С.А.* Курганный могильник VIII – X вв. около деревни Западной//СА. №2, 1964, с 151-163.
23. *Изюмова С.А.* Курганный могильник у села Доброе Тульской области//СА.№1, 1970. с 191-201.
24. *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII – X вв.// Русь в IX-X вв. Археологическая панорама. М.-Вологда. 2012. С 383 – 401.

25. *Ляпушкин И.И.* О датировке городищ роменско-боршевской культуры // СА, 1947, №9, с 121 – 136.
26. *Ляпушкин И.И.* Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья // СА. - Вып. 16. - 1952. - С.7-41
27. *Ляпушкин И.И.* О жилищах восточных славян днепровского левобережья VIII-X веков // КСИИМК, Вып. 68., 1957. С. 3-14.
28. *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА, №104, 1961, 384 с.
29. *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, Л.: Наука, 1968, 184 с.
30. *Мартинович А.И.* Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. // Труды ВУАК. Воронеж, 1908, вып. 4.
31. *Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. - Воронеж.: Издательство Воронежского Университета, 1965. 310 с.
32. *Москаленко А.Н.* О возникновении древнерусских поселений на Дону // Вопросы истории славян. Вып.2– Воронеж, 1966. С 53-76
33. *Москаленко А.Н.* Славяне на Дону. - Воронеж.: Издательство Воронежского Университета, 1981. 160 с.
34. *Никольская Т.Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. // МИА СССР, №72.- М.: Издательство АН СССР, 1959. 150 с.
35. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. М.: Издательство Наука, 1981. 294 с.
36. *Носов Е.Н.* К вопросу о происхождении Домовин в курганах роменско-боршевской культуры // КСИА., Вып. 139., М., 1974. С. 8-12.
37. *Плетнева С.А.* О связях алано-болгарских племён Подонья со славянами в VIII-IX вв. // СА. № 1. М. 1962, С. 83-94.
38. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II. / МИА. № 75. М.; Л. С. 212-272.

39. Повесть временных лет. Спб.: Наука, 1996, 672 с.
40. *Равдоникас В.И.* Первобытно-коммунистическое общество. // Известия ГАИМК, вып. 99, 1934, с. 9—88.
41. *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников. Ленинград: Наука, 1982. – 136 с. – (Археология СССР. Свод археологических источников. – Вып. Е1-47)
42. *Рыбаков Б.А.* Анты и Киевская Русь//ВДИ, 1934, №1, с 319 – 337.
43. *Седов В.В.* Ранние курганы вятичей//КСИИМК. №135, М.:Наука, 1973. С 10 – 16.
44. *Середонин С.М.* Историческая география. Пг., Типография главного управления уделов 1916, 245 с.
45. *Стицын А.А.* Археология в темах начальной русской летописи//Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову. — Пг., 1922, с. 8-21;
46. *Стицын Е.Ю.* История России в картах, портретах и фотографиях. М.: «Концептуал», 2016. – 288 с.
47. *Тортика А.А.* Восточнославянские племена Днепровского Левобережья, Подонья – Придонечья в контексте хазарской истории: этнополитическая модель взаимоотношений//Хазарский альманах. Т. 1. Харьков: 2002, с 140 – 150.
48. *Третьяков П.Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н.э.//МИА, 1941. - 150 с.
49. *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М.: АН СССР, 1953. - 312 с.
50. *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности//МИА №179, Л.: Наука, 1970. - 154 с
51. *Шахматов А.А.* К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей//ЖМНП, 1899, апрель, с 334 – 342.

52. *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. — М., Издание Русского исторического журнала, 1919. - 65 с.

Список иллюстраций и таблиц

1. Рис. 1. Локализация Донских славян в IX в. на территории Восточной Европы (Спицын, 2016, 10)
2. Рис. 2. Схема расположения славянских памятников на Дону в IX – X вв. (Москаленко, 1981, 60).
3. Рис. 3. Карта расположения могильников на Дону.
4. Рис. 4. План Боршевского могильника. (Винников. 1984. С. 9. Рис.2.)
5. Рис. 5. Боршевский могильник. Курган 11. (Винников. 1984. С. 33. Рис.10)
6. Рис. 6. План Лысогорского могильника. (Винников. 1984. С. 47. Рис.15.)
7. Рис. 7. План I Белогорского могильника. (Винников. 1981. С.73. Рис.22).
8. Рис. 8. План II Белогорского могильника. (Винников. 1984. С.78. Рис.24)
9. Рис. 9. Лысогорский могильник. Планы и профили курганов. (Винников. 1984. С. 61. Рис.19.).
10. Рис. 10. Соотношение групп погребений на отдельных могильниках, расположенных на р. Воронеж, % к раскопанным курганам.
11. Рис. 11. Реконструкция погребального обряда Донских славян (Винников, Синюк, 1990, 48).
12. Рис. 12. Карта распространения вятических курганов с трупосожжением. (Седов. 1973. С 11. Рис. 4)
13. Рис. 13. Типы погребальных обрядов в курганах с трупосожжением. (Изюмова, 1964, 154, Рис. 1).
14. Рис 14. Керамика донских славян. (Винников, 1962, 170)
15. Рис. 15. Керамика донских славян. (Винников, 1962, 171)
16. Рис. 16. Соотношение групп керамики по этническому признаку в курганах донских славян, % от общего количества керамики.
17. Рис. 17. Планы мысовых городищ первого типа. (Москоленко, 1981, 63)
18. Рис. 18. План и разрез укреплений Малого Боршевского городища. (Москоленко, 1981, 64)

19. Рис. 19. План городища второго (1 – Большое Боршевское городище) и третьего типа (2 – гор. Титчиха) (Москоленко, 1981, 67 – 68).
20. Рис. 20. План и профиль раскопа внешнего вала Титчихинского городища (Москоленко, 1981, 76).
21. Рис. 21. Планы и профили жилищ со столбовой конструкцией Титчихинского городища (Москоленко, 1981, 84)
22. Рис. 22. Планы и профили жилищ с срубной конструкцией Титчихинского городища. (Москоленко, 1981, 85)

Таблицы

1. Табл. 1. Основные признаки погребального обряда Боршевского могильника.
2. Табл. 2. Основные признаки погребального обряда Лысогорского могильника.
3. Табл. 3. Основные признаки погребального обряда могильника Белогорского I.
4. Табл. 4. Основные признаки погребального обряда могильника Белогорского II.

Список сокращений

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ВГУ – Воронежский Государственный университет

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры

СА – Советская археология

ПРИЛОЖЕНИЕ

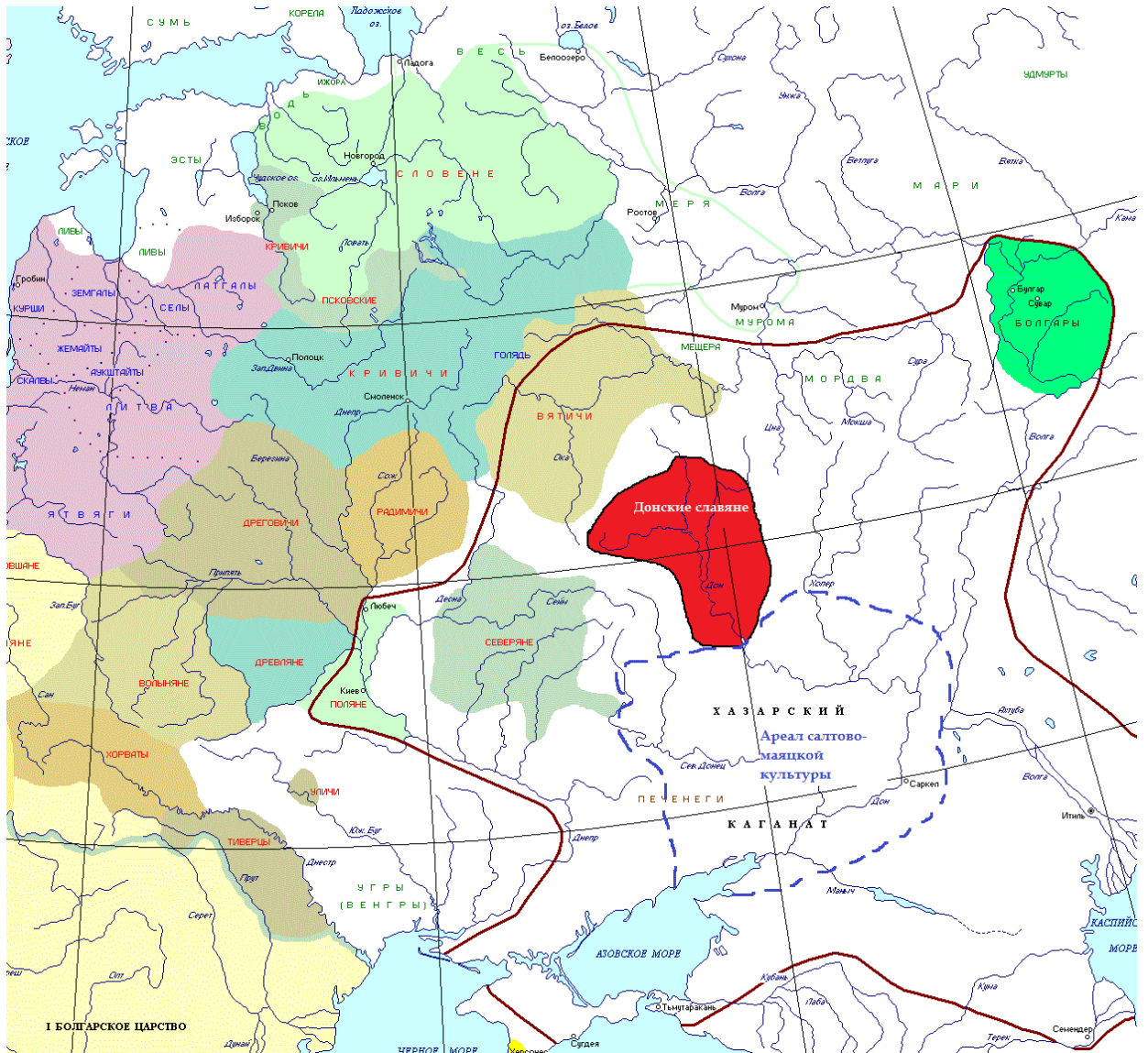

Рис. 1. Локализация Донских славян в IX в. на территории Восточной Европы. По Спицыну Е.Ю. с корректировкой автора. Примечания: синий пунктир – ареал распространения салтово-маяцкой культуры; сплошная коричневая линия – область политического и экономического влияния Хазарского каганата. (Спицын, 2016, 10)

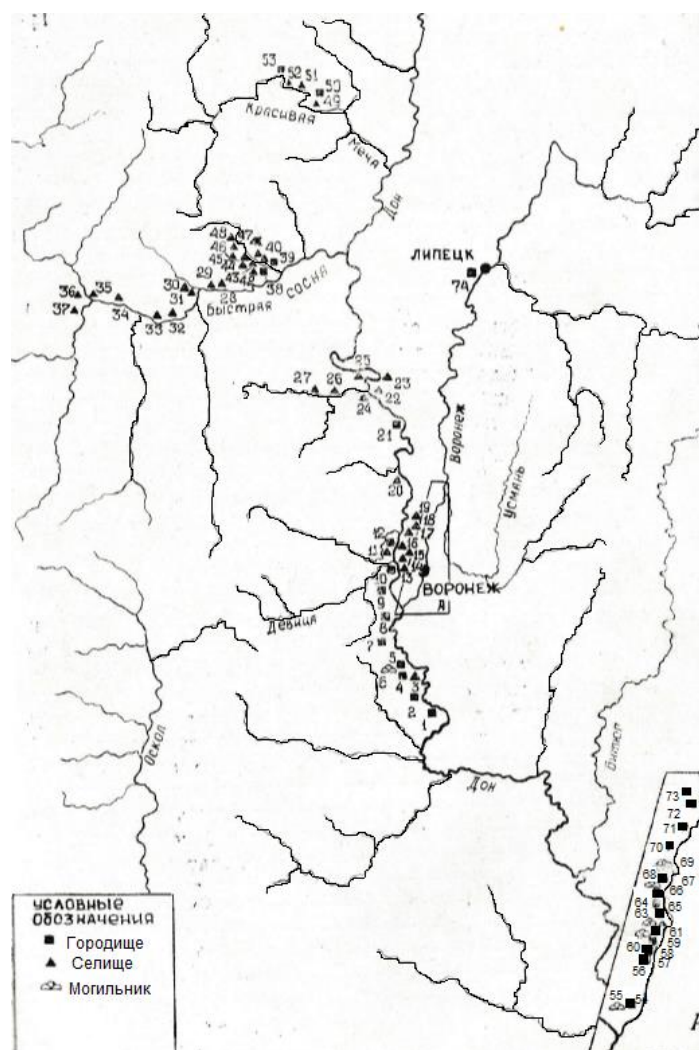

Рис. 2. Схема расположения славянских памятников на Дону в IX – X вв. (Москаленко, 1981, 60, рис. 61). 1 – Титчиха; 2 – с. Архангельское; 3 – 6 Боршево; 7 – Костенки; 8 – пос. Орловка; 9 – с. Устье; 10 – г. Семилуки; 11 – 12 – с. Семилуки; 13 – 16 – с. Подклетное; 17 – 19 – Подгорное; 20 – д. Верилровка; 21 – с. Конь-Колодезь; 22 – д. Веденка; 23 – с. Даньшино; 24 – с. Сосновка; 25 – с. Ксизово; 26 – 27 – с. Сновское; 28 – д. Апухтино; 29 – д. Ермолово; 30 – 31 – с. Чернава; 32 – д. Козловка; 33 – д. Сусловка; 34 – с. Успенка; 35 – г. Ливны; 36 – 37 – д. Бунино; 38 – 48 – с. Нижний Воргол; 49 – 50 – г. Дубики; 51 – 52 – с. Солдатское; 53 – с. Маслово; 54 – 55 – с. Шилово; 56 – 68 – г. Воронеж; 69 – 70 – с. Чертовицкое; 71 – с. Староживотинное; 72 – 73 – р.п. Рамонь; 74 – г. Липецк.

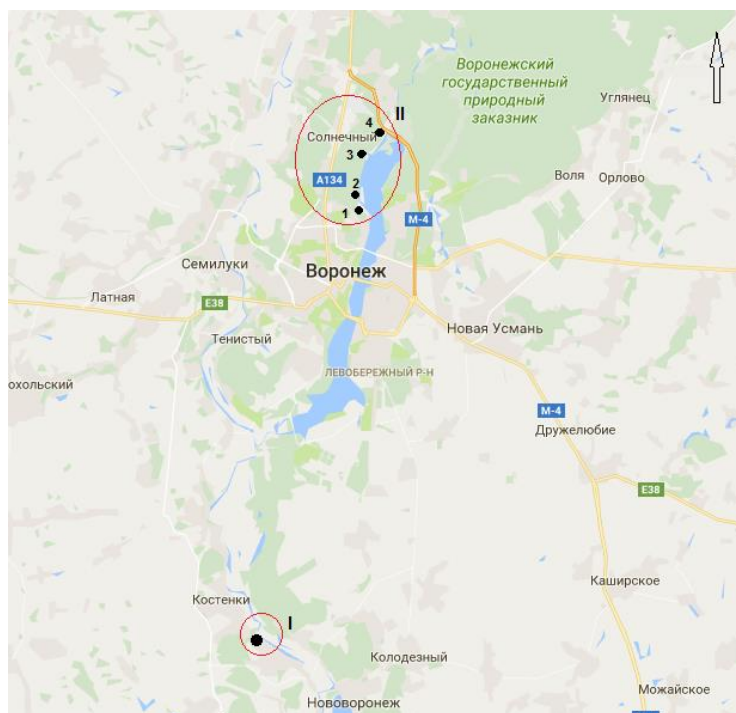

Рис. 3. Карта расположения могильников на Дону. I – 1 группа (Боршевский могильник); II – вторая группа (1 – Кузнецовский; 2 – Лысогорский; 3 – Белогорский I; Белогорский II могильники).

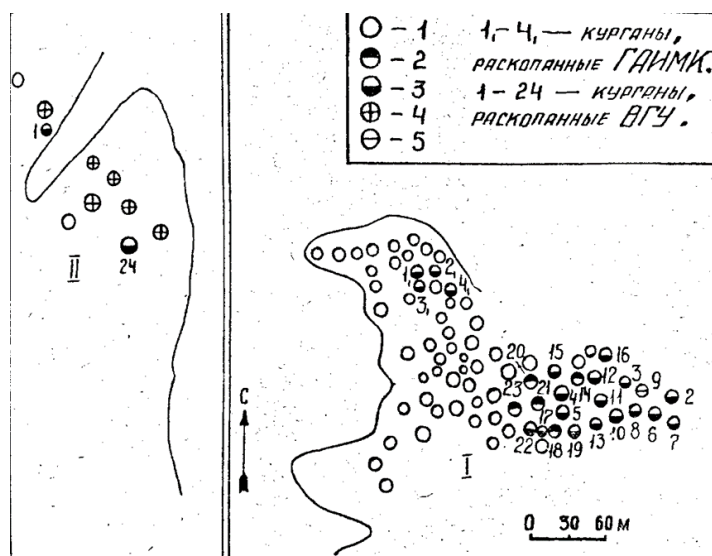

Рис. 4. План Боршевского могильника. I – первая группа; II – 2 группа. 1 – не раскопанные курганы, 2 – курганы с погребениями в восточной половине без деревянных камер, 3 – курганы с деревянными камерами, 4 – испорченные курганы, 5 – курганы с невыраженным обрядом погребения. (Винников. 1984. С. 9. Рис.2.)

Табл. 1. Основные признаки погребального обряда Боршевского могильника.
По Винникову с корректировкой автора (Винников, 1984, табл. I).
Примечание: 1 – 4 – курганы, раскопанные экспедицией ГАИМК; 1 – 24 – курганы, раскопанные экспедицией ВГУ. Высота кургана: а – до 1 м, б – 1 – 1,5 м, в – 1,5 – 2 м, г – более 2 м. Диаметр кургана: а – менее 7 м, б – 7 – 9 м, в – 9 – 10 м, г – более 10 м. Ровик у кургана: а – кольцевой; б – прерывающийся, в С-В секторе; в – прерывающийся в нескольких местах; г – костровые ямы в ровике; д – ровик не прослежен. Насыпь кургана: а – площадка из обожженной глины; б – угольно-зольная площадка; в – угольно-зольная площадка на погребенной почве; г – отдельные фрагменты керамики; д – целые или разбитые сосуды; е – целые или разбитые сосуды на погребенной почве; ж – камни. Столбовая оградка: а – кольцевая; б – прерывающаяся у входа в погребальную камеру; в – поставлена в общую канавку на материке; г – поставлена в отдельные ямки в материке; д – поставленная в погребенную почву; е – столбики стоят у входа в камеру; ж – диаметр 5,5 – 7,5 м; з – диаметр 7,5 – 8,5 м; и – диаметр более 8,5 м; к – сожжена; л – не сожжена. Погребальная камера: а – площадь до 1,5 м²; б – площадь 1,5 – 2 м²; в – площадь более 2 м²; г – обожжена полностью; д – обожжена частично; е – расположена в С-В секторе; ж – расположена к северу от центра; з – расположена к востоку от центра; и – ориентирована по линии З-В; к – ориентирована по линии СВ-ЮЗ; л – ориентирована по линии С-Ю; м – имеется вход; н – глиняный пол; о – деревянный пол; п – деревянная крышка; р – обожженная глина на крыше; с – нет специально подготовленного пола; т – нет специально сделанной крышки; у – камера плохой сохранности; ф – двойная камера; х – камера в яме. Кальцинированные кости в камере: а – лежат на полу одной кучкой; б – несколько скоплений на полу; в – разбросаны по всей камере; г – в заполнении камеры; д – угольки вместе с костями. Керамика: а – нет сосуда; б – один сосуд; в – два сосуда; г – три сосуда; д – четыре сосуда; е – пять сосудов; ж – кальцинированные кости в сосудах; з – фрагменты сосудов; и – славянская; к – салтовская; л – славяно-салтовская; м – финская; н – волынцевская.

Бескамерные погребения: а – в С-В секторе; б – ориентировка скопления костей по линии СВ-ЮЗ; в – нет сосуда; г – один сосуд; д – два сосуда; е – три сосуда; ж – четыре сосуда; з – пять сосудов; и – фрагменты сосудов; к – кости в сосудах; л – возможность наличия в древности деревянной погребальной камеры.

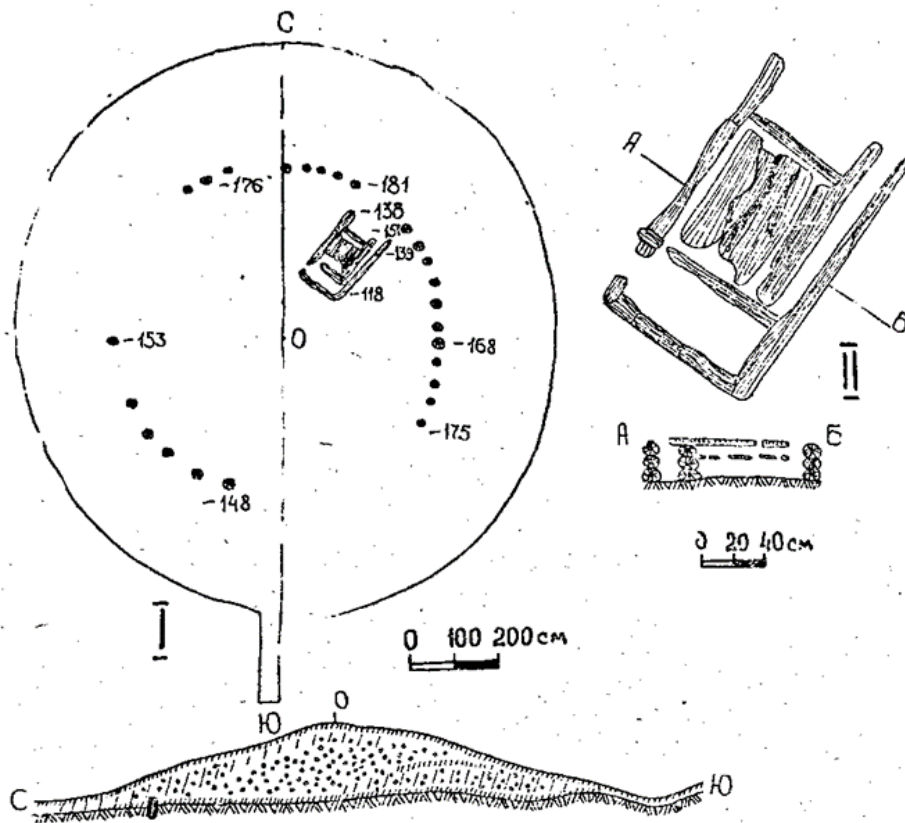

Рис. 5. Боршевский могильник. Курган 11: I – план и профиль; II – погребальная камера. (Винников. 1984. С. 33. Рис.10)

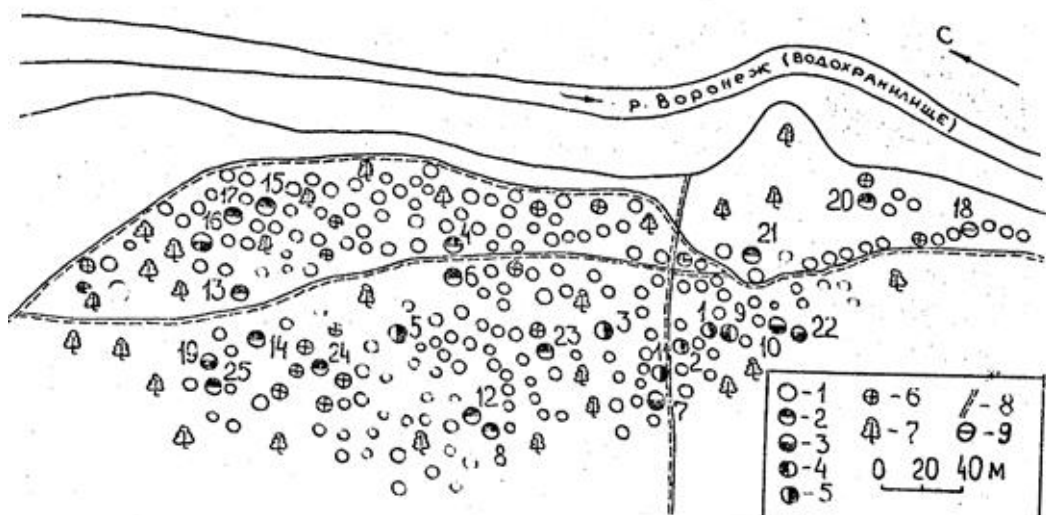

Рис. 6. План Лысогорского могильника. 1 – не раскопанные курганы; 2 – курганы I группы; 3 – курганы II группы; 4 – курганы III группы; 5 – курганы IV группы; 6 – испорченные курганы; 7 – деревья; 8 – тропинки; 9 – курганы с невыраженным обрядом погребения. (Винников. 1984. С. 47. Рис.15.).

группа	№ кургана	высота		диаметр		ровик		насыпь		бескамерные погребения		камера		кости		керамика	
		а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б
I	4	+		+		+	+	+									1
	6	+		+		+				+							1
	8	+								+							1
	12	+		+		+											1
	13	+		+		+											
	14	+		+		+					+						
	15	+		+		+											
	17	+		+		+						+					2 1
	20	+		+		+											3 1
	21	+		+		+											
	23	+		+		+											
24	+		+		+												
25	+		+		+												
II	7	+		+		+											1
	10	+		+		+											1
	16	+		+		+											1
	19	+		+		+											3
	22	+		+		+											
1 (ГАММК)			+		+												
III	9	+				+											1
	1	+		+		+											1
IV	2	+		+		+											2 1
	3	+		+		+											1
	5	+		+		+											1
	11	+		+		+											1

Табл. 2. Основные признаки погребального обряда Лысогорского могильника. По Винникову с корректировкой автора (Винников, 1984, табл. II.1- II.3). (примеч. на стр. 60).

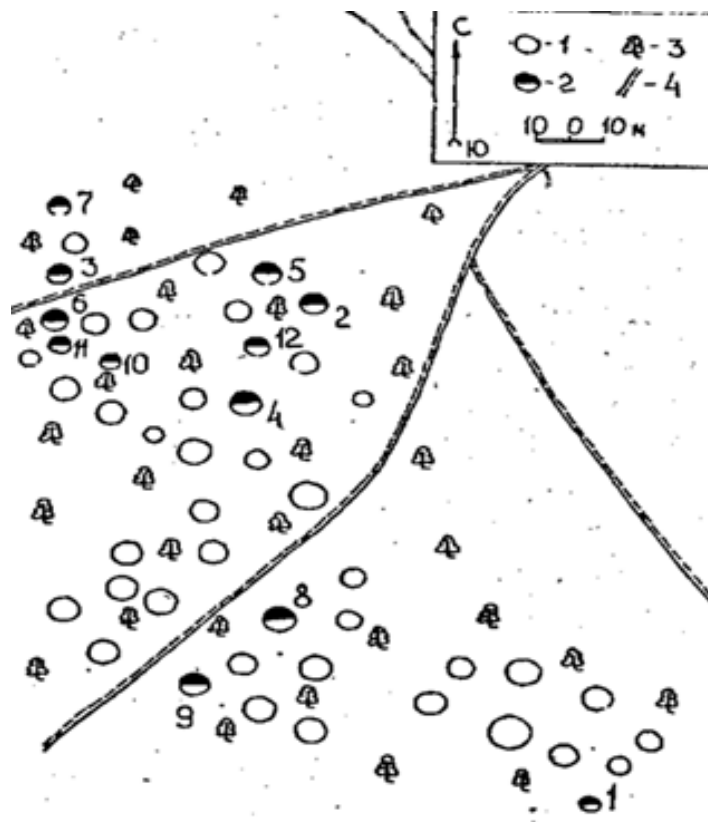

Рис. 7. План I Белогорского могильника. 1 – не раскопанные курганы; 2 раскопанные курганы (первая группа); 3 – деревья; 4 – тропинки. (Винников. 1981. С.73. Рис.22).

№ кургана	высота				диаметр				ровик					насыпь					бескамерные погребения					керамика																													
	а	б	в	г	а	б	в	г	а	б	в	г	д	е	а	б	в	г	д	е	ж	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к	л	м	н								
1	+						+							+			+	+																																1			
2		+						+						+										+																													
3			+					+						+			+	+		+																																2	
4				+									+			+	+								+																									1	1		
5		+						+						+									+				+																										
6			+											+											+																										1		
7				+										+												+																									1		
8				+										+			+	+							+																										2		1
9				+									+			+											+																								1		
10				+										+												+																									1		1
11				+										+													+																										
12				+										+													+																										

Табл. 3. Основные признаки погребального обряда могильника Белогорского I. По Винникову с корректировкой автора (Винников, 1984, табл. III). (примеч. на стр. 60)

Рис. 8. План II Белогорского могильника. 1 – не раскопанные курганы; 2 – курганы I группы; 3 – курганы II группы; 4 – курганы III группы; 5 – курганы IV группы; 6 – курганы V группы; 7 – деревья; 8 – канава (Винников. 1984. С.78. Рис.24).

Группа № кургана	высота		диаметр		ровик	насыпь		ограда		камера		кости в камере		керамика		бескамерные погребения	
	а	б	а	б		а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б
1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
7	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
8	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
9	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
11	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
12	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
16	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
20	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
21	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
23	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
24	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
25	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
26	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
27	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
29	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
32	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
35	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
36	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
37	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
39	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
40	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
41	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
43	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
45	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
47	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
49	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
50	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
53	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
54	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
56	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
18	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
19	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
30	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
31	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
38	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
44	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
46	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
60	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
5	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
6	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
10	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
13	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
14	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
17	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
22	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
34	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
42	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
48	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
52	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
55	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
57	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
58	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
59	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
33	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
51	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
15	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
28	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Табл. 4. Основные признаки погребального обряда могильника Белогорского II. По Винникову с корректировкой автора (Винников, 1984, табл. II.5 – II.7). (примеч. на стр. 60).

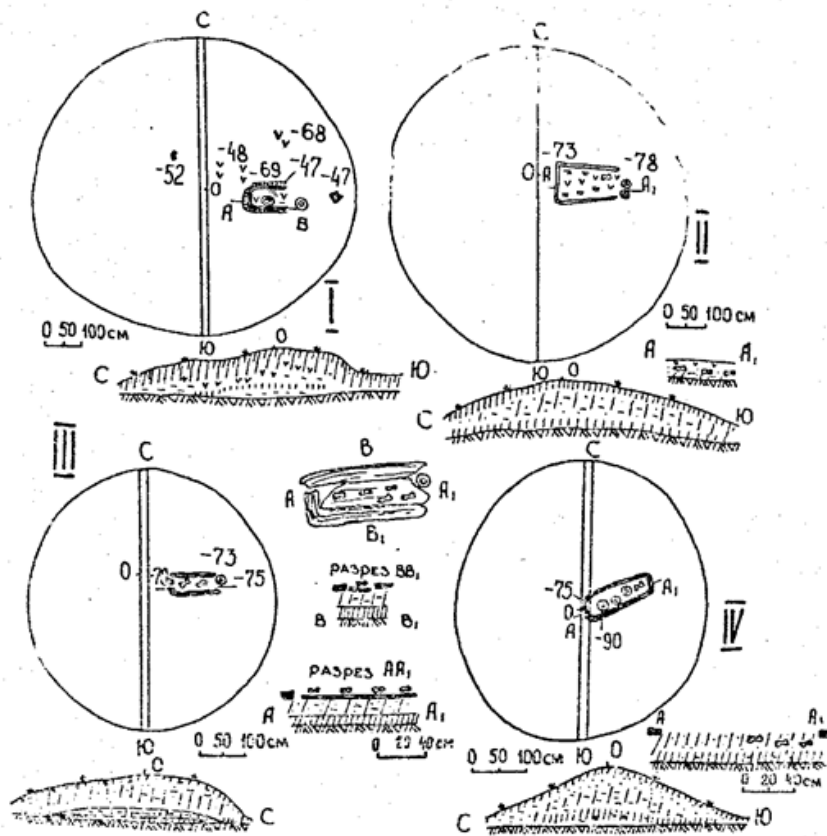

Рис. 9. Лысогорский могильник. Планы и профили курганов: I - №7; II - №10; III - №16; IV - №19. (Винников. 1984. С. 61. Рис.19.).

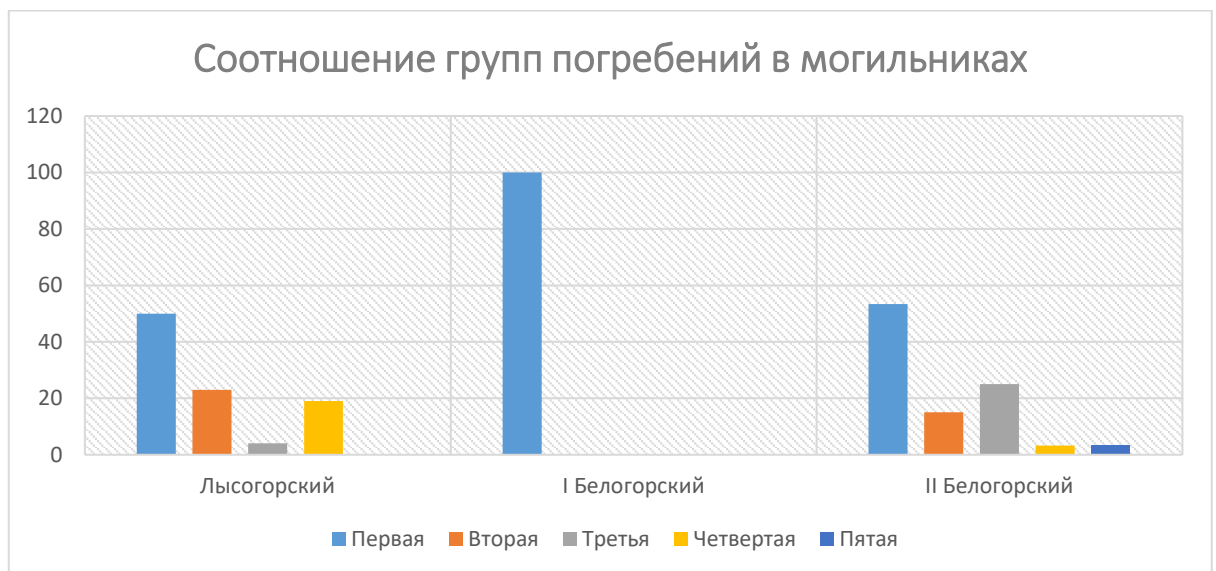

Рис. 10. Соотношение групп погребений на отдельных могильниках, расположенных на р. Воронеж, % к раскопанным курганам. По Винникову с корректировкой автора (Винников, 1984, табл. II.7).

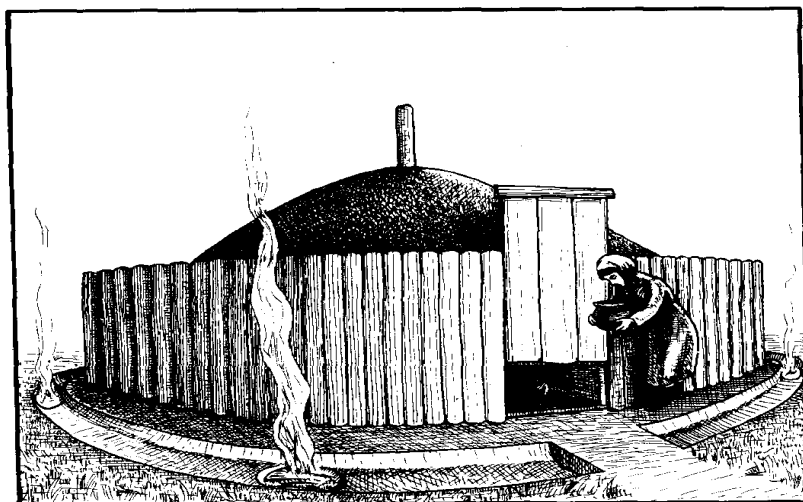

Рис. 11. Реконструкция погребального обряда Донских славян. (Винников. Синюк.1990.С.220. Рис.56.).

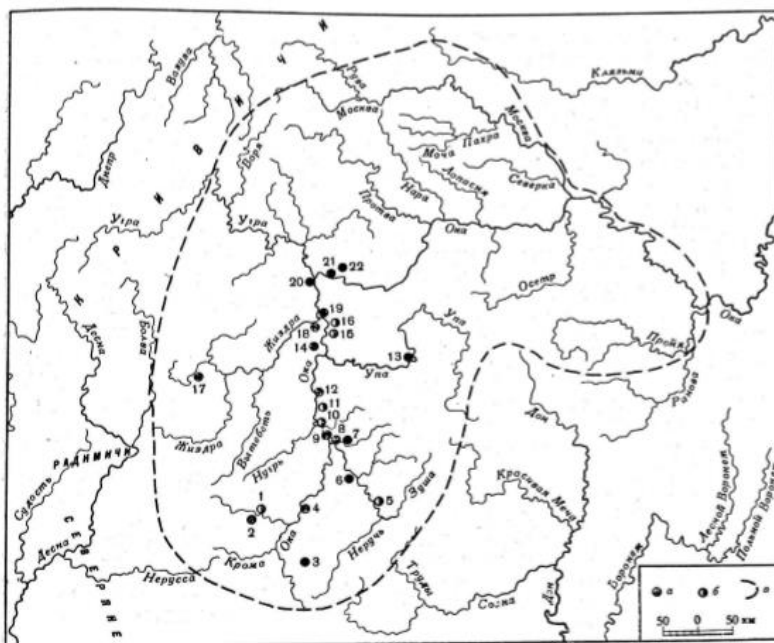

Рис. 12. Карта распространения вятических курганов с трупосожжением. а – группа курганов без погребальных камер; б – могильники с курганами, содержащими деревянные сооружения; в – граница вятического ареала. 1 – Лебедка (уроч. Игрище); 2 – Лебедка; 3 – Плота; 4 – Спасское; 5 – Воротынцево; 6 – Мценск; 7 – Городище; 8 – Никитина; 9 – Шлыково; 10 – Воронеж; 11 – Песковатое; 12 – Голубочки; 13 – Тризново; 14 – Городок; 15 – Западная; 16 – Доброе; 17 – Солонново; 18 – Кудиново; 19 – Вороново; 20 – Слевидово; 21 – устье Калужки; 22 – Ждамирово. (Седов. 1973. С 11. Рис. 4).

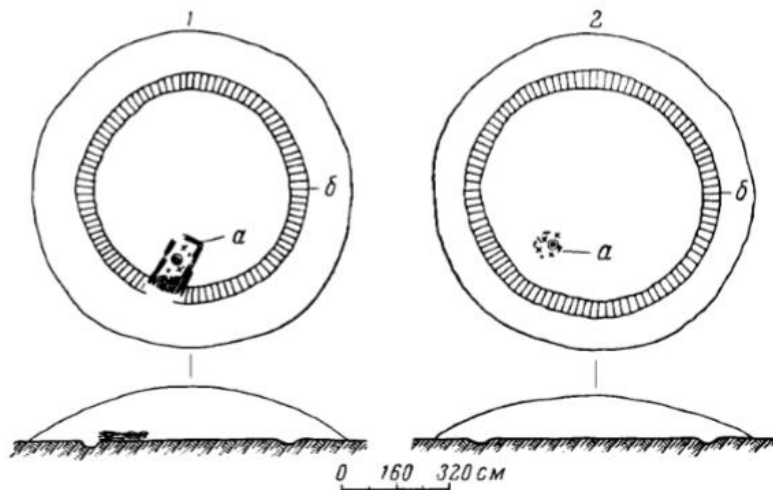

Рис. 13. Типы погребальных обрядов в курганах с трупосожжением. 1 – курганы с погребальными сооружениями; а – камера; б – канавка от оградки; 2 – курганы без погребальных сооружений; а – остатки сожжения; б – ровик. (Изюмова. 1964. С 154. Рис. 1.).

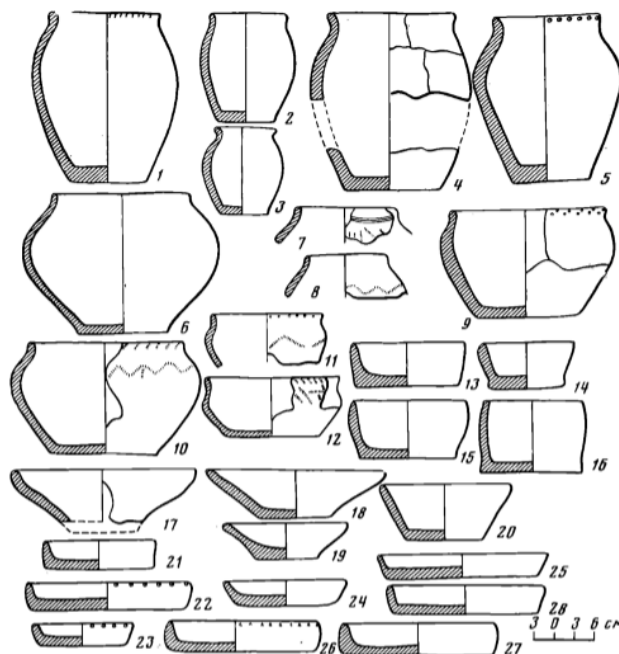

Рис 14. Керамика донских славян. Горшки: 1 – 5 – тип 8; 6 – 8 – тип 9; миски: 9 – 11 – тип 1; 12 – тип 2; 13 – 16 – тип 3; 17 – 20 – тип 4; сковородки: 21 – тип 1; 22 – 25 – тип 2; 26 – 28 – тип 3 (Винников, 1962, 170, рис. 5).

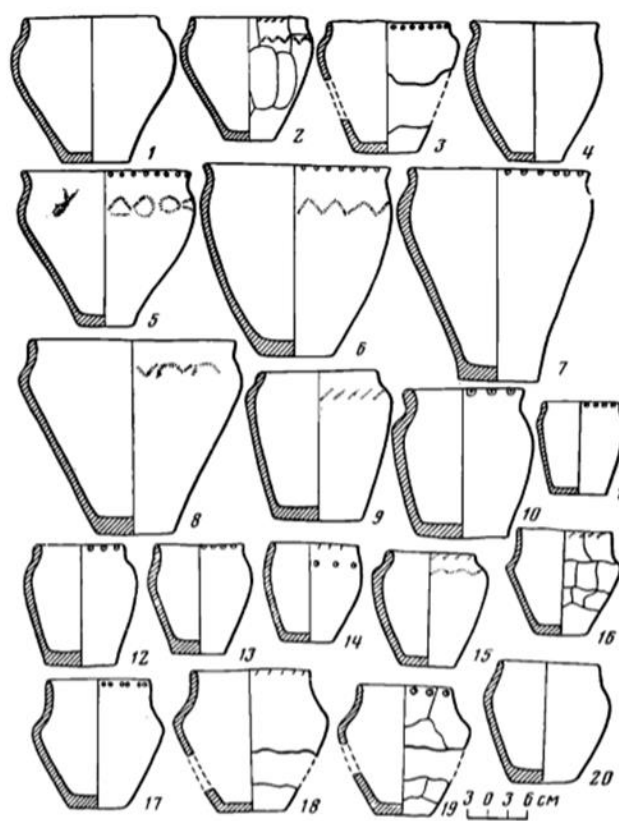

Рис. 15. Керамика донских славян. Горшки: 1 – 8 – тип 5; 9 – 15 – тип 6; 16 – 20 – тип 7 (Винников, 1962, 171, рис. 6)

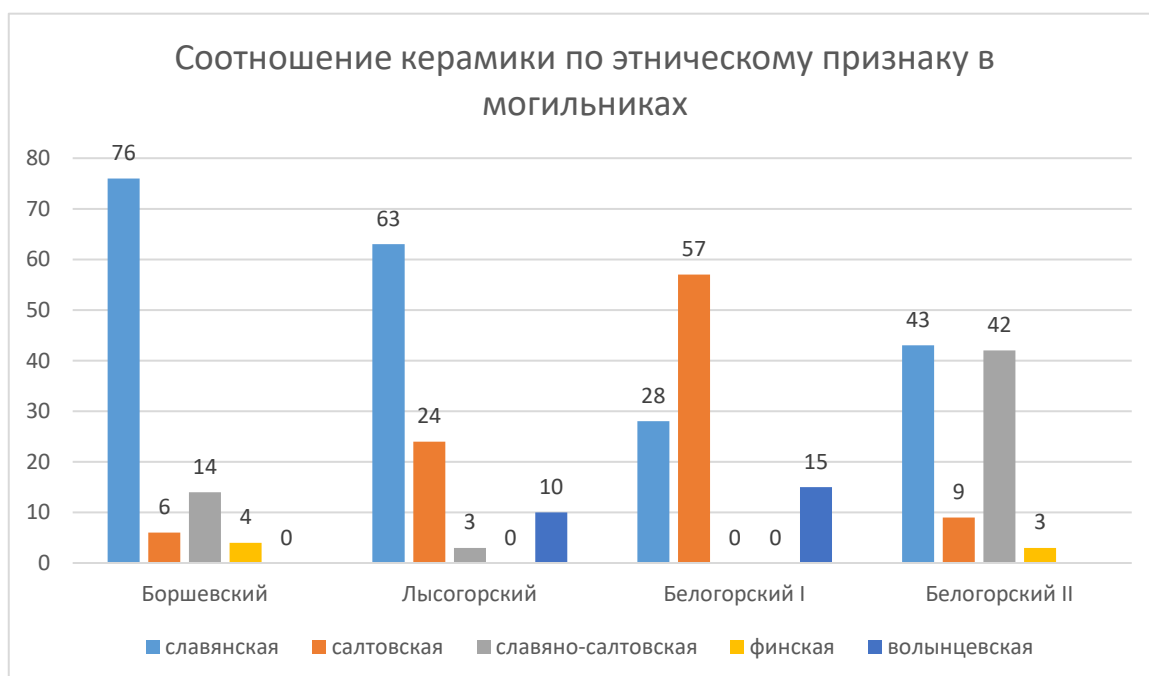

Рис. 16. Соотношение групп керамики по этническому признаку в курганах донских славян, % от общего количества керамики. (Винников, 1984, табл. III.4)

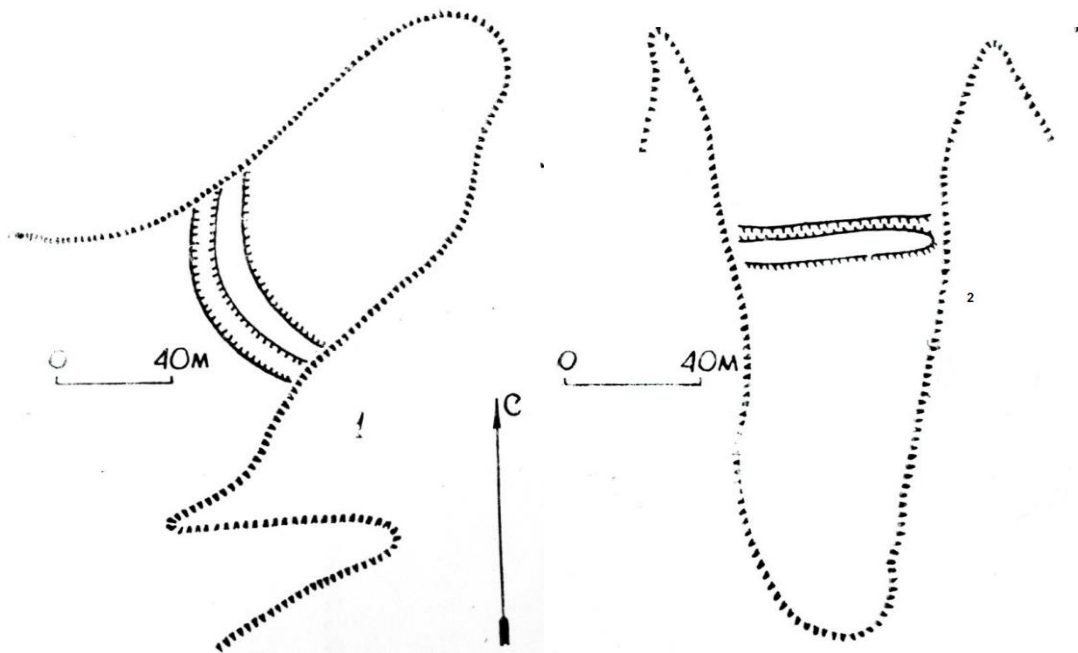

Рис. 17. Планы мысовых городищ первого типа: 1 – Малое Боршевское городище; 2 – Воргольское городище (Москоленко, 1981, 63, рис. 2).

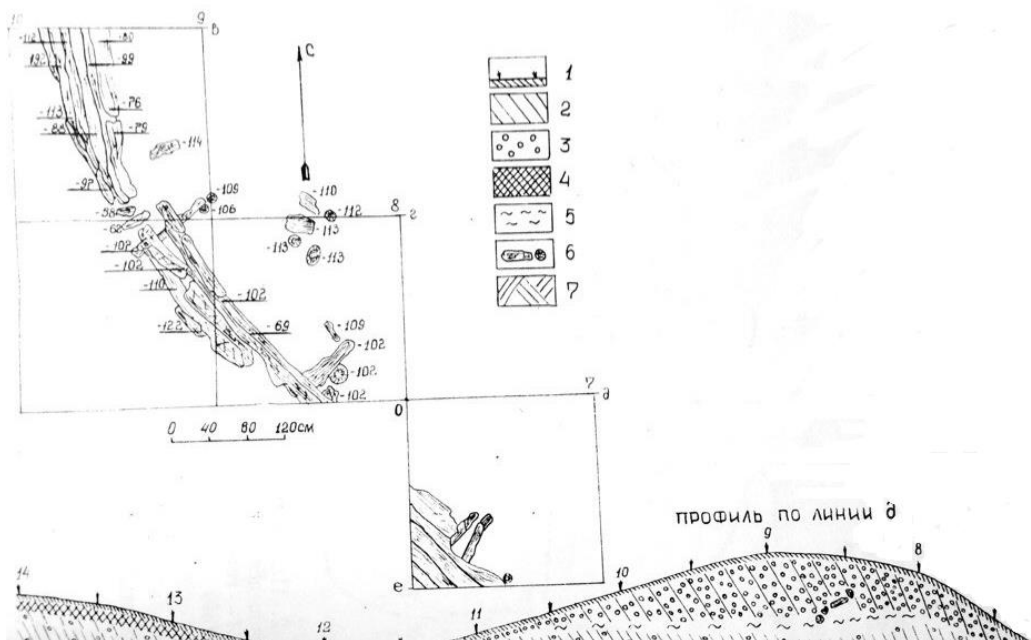

Рис. 18. План и разрез укреплений Малого Боршевского городища. 1 – гумус; 2 – чернозем; 3 – мел; 4 – траншея военного времени; 5 – зола; 6 – дерево (Москоленко, 1981, 64. Рис. 3).

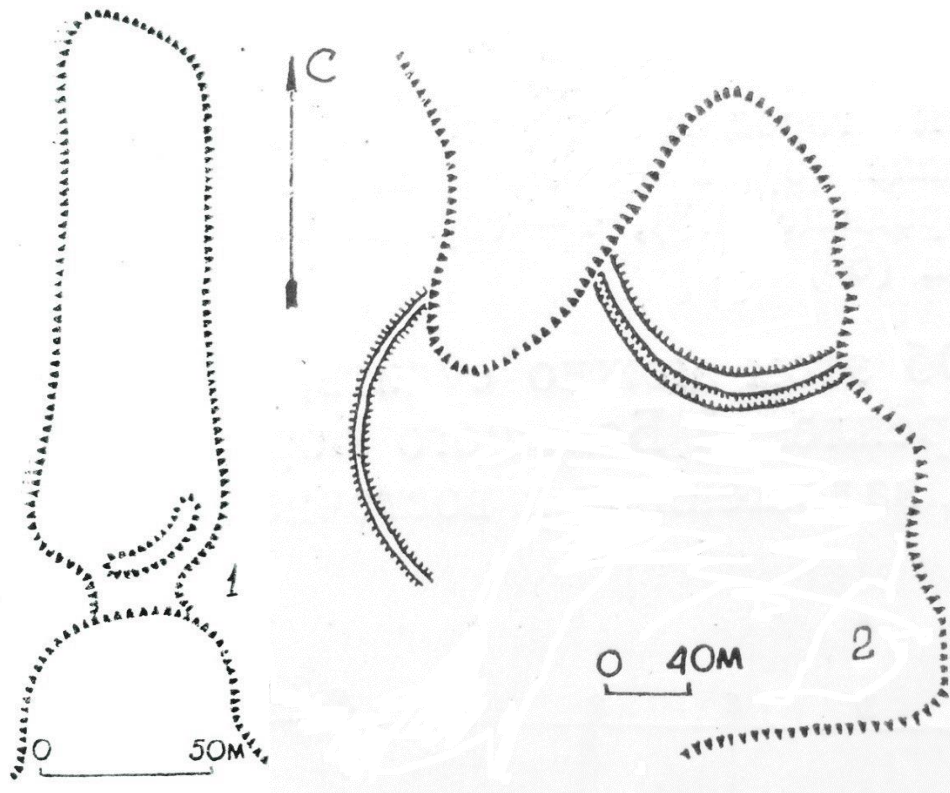

Рис. 19. План городища второго (1 – Большое Боршевское городище) и третьего типа (2 – гор. Титчиха). (Москоленко, 1981, 67 – 68, рис. 5 (1), 7 (2)).

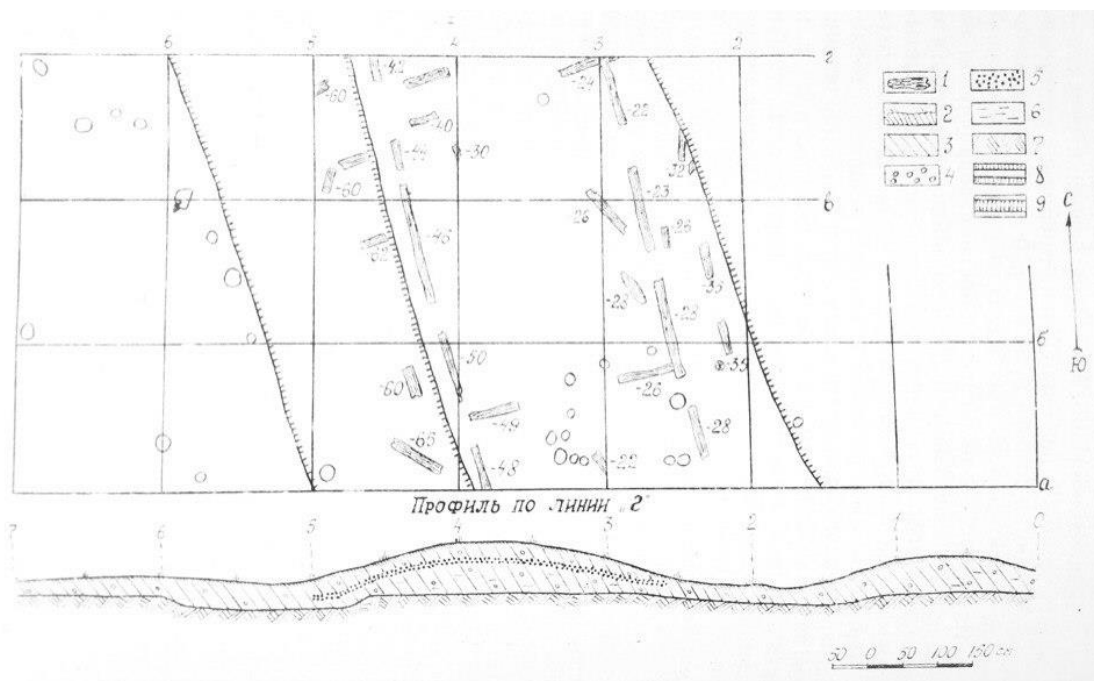

Рис. 20. План и профиль раскопа внешнего вала Титчихинского городища: 1 – дерево; 2 – гумус; 3 – чернозем; 4 – мел; 5 – угольки; 6 – глина (Москоленко, 1981, 76, рис. 11).

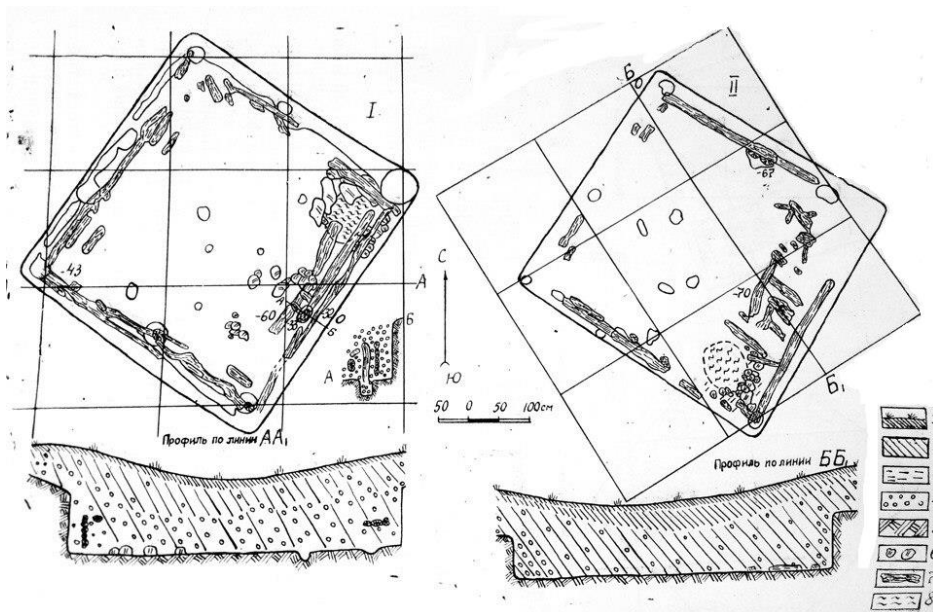

Рис. 21. Планы и профили жилищ со столбовой конструкцией Титчихинского городища: I – жилище 9; II – жилище 45. 1 – гумус; 2 – чернозем; 3 – глина; 4 – мел; 5 – материк; 6 – камни; 7 – дерево; 8 – зола. (Москоленко, 1981, 84, рис. 13).

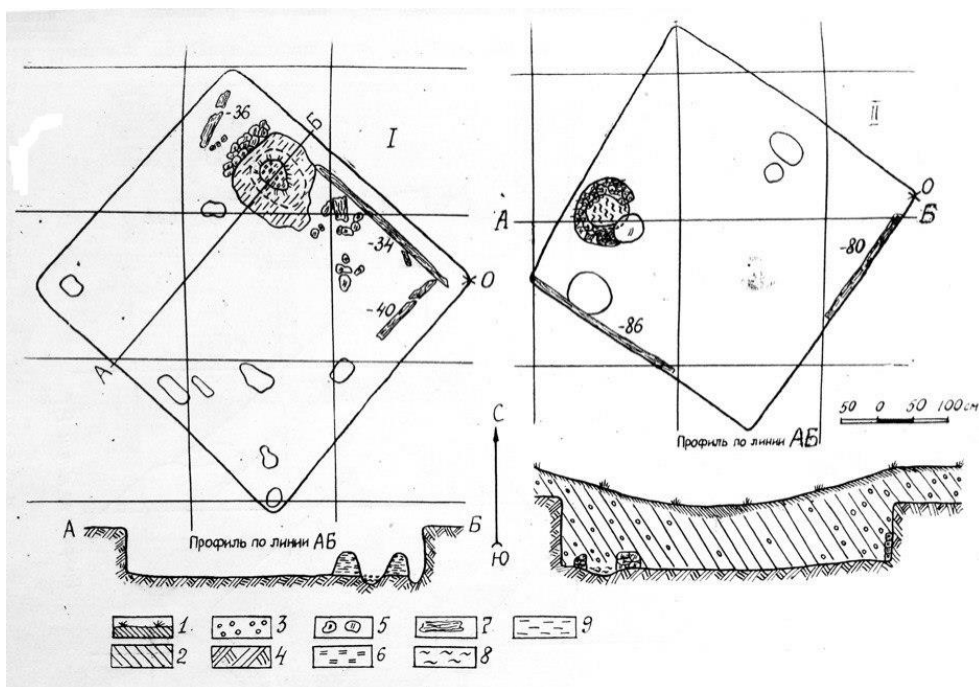

Рис. 22. Планы и профили жилищ с срубной конструкцией Титчихинского городища: I – жилище 13; II – жилище 31. 1 – гумус; 2 – чернозем; 3 – мел; 4 – материк; 5 – камни; 6 – обожженная глина; 7 – дерево; 8 – зола; 9 – глина. (Москоленко, 1981, 85, рис. 14).